Три Бесѣды

о

современномъ значеніи

философіи.

Зам. Ком
Парт. Сов-
№ 12.

Казань.
Типо-Литографія Окружнаго Штаба.
1904.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 6 іюля 1904 г.

7916

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Что такое философія въ знаніи?

Философія въ Германіи: школы, теоретическіе вопросы.—Философія во Франціи: партіи, практическіе вопросы. Какъ понимаютъ философію въ Россіи.—Философія невыдѣлима изъ нашей дѣятельности.—Философія осмысливаетъ нашу дѣятельность.—Основная аксіома.—*Я желаю знать, что такое философія?*—Желаніе, источникъ всякой дѣятельности.—Представленіе.—Знаніе.—Области знанія.—Что мы въ самомъ дѣлѣ знаемъ.—Наше *я*.—Вопросы о сущности.—Философія въ знаніи.—Философскія системы.—Творчество.

Значеніе философіи для общества было очень—различно. Всего болѣе о ней говорили въ Германіи и во Франціи; но въ этихъ двухъ странахъ она являлась представительницею двухъ совершенно различныхъ направленій. Нѣмцы считаютъ себя, какъ нѣмцевъ, прирожденными судьями философскихъ предметовъ, и гордясь именами нѣсколькихъ замѣчательныхъ мыслителей, видятъ въ своемъ отечествѣ единую исключительную родину философіи. Она тамъ вошла въ поэзію, въ беллетристику, въ обыденную жизнь. Въ такихъ-же маленькихъ изящныхъ книжкахъ, какъ стихотворенія Ленау, Гейне, Уланда, издаются для дамскихъ столовъ сборники Карьера, Шеффера, Саллета проникнутые шеллингизмомъ и гегелизмомъ. Во многихъ романахъ Фанни Левальдъ, Гуцкова и другихъ писателей философскіе споры составляютъ предметъ цѣлыхъ главъ. Если кто въ общественномъ разговорѣ или въ рѣчи употребитъ философскій терминъ, это не покажется страннымъ. Философскіе споры проникли въ германское общество, въ германскую *жизнь*. И споры эти касаются самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ. Школы гегельянцевъ, шеллингистовъ, кантіанцевъ, гербатіанцевъ, матеріалистовъ и т. д. раздѣляются между собою по вопросамъ объ отношеніи мысли къ дѣйствительности, о томъ, существуетъ ли *я*, или это есть призракъ, какое отношеніе между веществомъ и

силою и т. д Послѣдній вопросъ такъ занималъ всѣхъ въ Германіи еще недавно, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ рѣдко выходила серьезная книга, или книжка журнала, безъ того, чтобъ авторъ гдѣ нибудь въ цѣлой главѣ или въ замѣткѣ не излагалъ своего отношенія къ этому вопросу.

Мы найдемъ совсѣмъ другое, если обратимся къ Франціи Тамъ слово *философія* есть знамя, съ которымъ идутъ въ битву общественныя партіи. Во время всего XVIII вѣка шла ожесточенная борьба во имя философіи. Это слово ставили на алтарь въ видѣ богини разума, изъ за него изгоняли и казнили, но, при всемъ томъ, обращали очень мало вниманія на его научное значеніе. Буржуазія не хотѣла болѣе терпѣть гнета свѣтской и духовной аристократіи. Послѣдняя опиралась на опредѣленное міросозерцаніе, на установленныя преданія. Противъ этихъ-то преданій шли бороться Вольтеры и Дидро. И, читатели и сами авторы часто плохо знали, вѣрятъ-ли они или не вѣрятъ въ безсмертіе души, въ матерію и въ безтѣлесный духъ, въ Бога. Можно указать въ этомъ отношеніи много непослѣдовательностей и противорѣчій у одного и того-же писателя. Но они были послѣдовательны въ одномъ: въ своей практической борьбѣ съ установленнымъ порядкомъ вещей.—Прошла французская революція, и буржуазія явилась властью. Новыя общественныя партіи вышли на сцену и, во имя своихъ практическихъ интересовъ, каждая изъ нихъ выставила *свою* философію. Философу буржуазіи Кузену нужно было, чтобъ воля была свободна и духъ былъ безсмертенъ, чтобъ гражданская свобода и собственность были освящены мыслію, и—онъ все это доказалъ. Изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ системъ онъ собралъ все, что нужно было *для* этой цѣли, и создалъ французскій *эклектизмъ*. Но противъ буржуазіи стояли другія партіи, съ *своими* цѣлями, и вотъ Вентура пишетъ свои проповѣди о разумѣ философскомъ и разумѣ католическомъ, о христіанской власти; вотъ выступаютъ соціалисты. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ *практическіе* вопросы, *практическія* стремленія на первомъ планѣ. За нихъ бранятъ и прославляютъ писателей въ различныхъ кружкахъ общества. До остального-же почти никому нѣтъ и дѣла.

У насъ философія не имѣетъ ни того, ни другого значенія. У насъ нѣтъ философскаго преданія, великихъ именъ національныхъ мыслителей, которыхъ системы спорили-бы о господствѣ между нами. Иной изъ насъ вспомнитъ иногда давно умолкшаго профессора, ученика нѣмецкаго мыслителя, но вспомнитъ о *лицѣ*, о единицѣ, а не о направленіи. Нѣсколько шелингистовъ оставили въ нашей литературѣ и въ памяти общества слѣдъ нѣсколько болѣе яркій, чѣмъ мыслители другихъ направленій, но все это смутное преданіе. Философскихъ школъ у насъ не было, а были философствующія единицы, и тѣ приносили очень мало *своего*, а развивали большею частью предметъ по міросозерцанію того или другаго германскаго философа. Нечего уже говорить, что у насъ нѣтъ и слѣда общественныхъ партій, которыя-бы боролись и выставляли философскія принципы для своихъ практическихъ цѣлей. У насъ собственно только два отдѣла въ обществѣ: люди, желающіе знанія и развитія, и поклонники невѣжества, люди раскольнически—враждебные наукѣ, именно въ ея развивающихъ человѣческихъ началахъ. Но это не школы и не общественныя партіи. Въ практическихъ вопросахъ, какъ въ теоретическихъ, у насъ опять единицы, неуспѣвшія или неумѣвшія организоваться въ партію.

Не мудрено, что и наше общество связываетъ со словомъ философія и философъ часто очень—невыгодныя представленія, и наши лучшіе писатели выражаютъ подобное представленіе въ своихъ комическихъ идеалахъ. *Философствованіе* для Фамусова имѣетъ значеніе гастрономическое. Судья „Ревизора“ который „своимъ умомъ дошелъ“ до рѣшенія вопросовъ о мірозданіи, есть каррикатурный философъ. У насъ называютъ философомъ того, кто ведетъ себя не такъ, какъ другіе, кто пренебрегаетъ приличіями. „Прошу не философствовать, а дѣлать“ говоритъ начальникъ подчиненному, осмѣливающемуся возражать. „Философія есть наука лѣни“ повторяетъ, говорятъ, ежегодно своимъ слушателямъ одинъ петербургскій профессоръ, имя котораго съ уваженіемъ произносится и за границею между спеціалистами его предмета.

Съ другой стороны, со словомъ *философія* наше общество связываетъ представленіе о чемъ то весьма темномъ, трудномъ, доступномъ лишь немногимъ спеціалистамъ. Она вызываетъ воспоминаніе неуклюжаго тома „Умозрительной физики", гдѣ говорится объ „идеѣ вѣчности, равнозначительной всесуществующему нулю" и т. п. Между тѣмъ авторъ этого сочиненія былъ не случайный фантазеръ, но одинъ изъ немногихъ, посвятившихъ долгіе годы и многіе труды на философское преподаваніе. Мудрено-ли, что публика, съ которой говорили такимъ образомъ о философіи, чуждалась ея? Дико звучали въ ушахъ русскаго человѣка непереваренные термины шеллингизма, къ которымъ Германія была приготовлена рядомъ мыслителей, составлявшихъ и измѣнявшихъ постепенно нѣмецкую философскую терминологію. Не такъ уже трудно было слушать формулы Шеллинга тѣмъ, кто имѣлъ въ своемъ прошедшемъ Канта, передъ Кантомъ Вольфа и др. развившихъ философское мышленіе на родномъ языкѣ. Но въ Россіи не было подобнаго подготовленія, и потому предметъ, наполненный полупонятными или вовсе непонятными выраженіями, представился обществу какъ нѣчто—туманное, чуждое, какъ предметъ, составляющій спеціальность нѣсколькихъ человѣкъ, а остальнымъ вовсе ненужный.

Между тѣмъ, философія есть нѣчто весьма—обыденное, нѣчто до такой степени нераздѣльное съ нашимъ существомъ, что мы философствуемъ не учась, при каждомъ произносимомъ словѣ, при каждомъ осмысленномъ дѣйствіи, философствуемъ хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо.

Можетъ быть, мои слова представляются вамъ, рѣзкимъ парадоксомъ. Вѣроятно-ли, чтобъ существовала невыдѣлимая отъ насъ дѣятельность, которую мы не сознаемъ? Позвольте вамъ тогда напомнить подобное явленіе, приводимое Мольеромъ въ одной изъ своихъ самыхъ популярныхъ комедій. Журденъ всю жизнь говорилъ прозою и—не зналъ этого. Правда, проза Журдена не была прозою Паскаля и Боссюэ, но тѣмъ не менѣе, это была проза. Надѣюсь, что мнѣ удастся вамъ показать въ этихъ бесѣдахъ, что въ своихъ философскихъ построеніяхъ мыслители лишь употребляли сознательно и разумно

ту-же самую дѣятельность, которая постоянно присутствуетъ въ насъ, въ безсознательномъ и непослѣдовательномъ состояніи. Но, возразятъ мнѣ, если оно и такъ, къ чему останавливать свое вниманіе на этой *особенной* дѣятельности? Много ли пріобрѣлъ Журденъ, узнавъ, что онъ говоритъ прозою? Будемъ довольствоваться нашею *безсознательною* философіею, если ужь она дѣйствительно существуетъ. Къ чему намъ обращать на нее *особенное* вниманіе? Мало-ли и безъ того дѣла въ жизни? Мало-ли необходимыхъ для насъ знаній? Есть люди, занимающіеся энтомологіею и санскритскимъ языкомъ. Это очень полезныя знанія, но никто не скажетъ, что они необходимы для всѣхъ. Пусть будутъ спеціалисты философы, но къ чему ставить философію въ рядъ предметовъ общей важности?

Дѣло въ томъ, что философія, и она одна, вноситъ смыслъ и человѣческое значеніе во все, куда она входитъ. Мы осмысливаемъ нашу дѣятельность на столько, на сколько вносимъ въ нее элементъ философіи. На сколько человѣкъ обязанъ себѣ отдавать ясный отчетъ въ каждомъ своемъ словѣ, въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, на столько *онъ обязанъ философствовать*. Пренебреженіе философіи есть искаженіе въ себѣ человѣческаго сознанія. Требованіе *сознательной* философіи равнозначительно требованію развитія человѣка.

Впрочемъ, я здѣсь обязанъ сдѣлать оговорку. Требованіе отъ человѣка сознательности и развитія есть нравственная аксіома, которую доказать нельзя, если кто ее отвергаетъ. А есть люди, которые отвергаютъ это начало. Есть люди, которые готовы сказать: „сознательность, развитіе, размышленіе есть зло для человѣка“. Они смѣло утверждаютъ, что лучше, счастливѣе человѣкъ, слѣдующій безсознательно заранѣе-предписанной рутинѣ, человѣкъ, неразсуждающій, непонимающій, „трупъ въ рукахъ другого“ по выраженію іезуитовъ, чѣмъ человѣкъ, добивающійся путемъ страданія и ошибокъ полнѣйшаго знанія, лучшаго пониманія, справедливѣйшихъ условій жизни... Противъ подобныхъ оппонентовъ полемизировать невозможно, потому что они стоятъ на другой почвѣ, говорятъ на другомъ языкѣ. Убѣждать ихъ безполезно, потому что самый процессъ убѣжденія имъ недоступенъ. Они не нуждаются въ философіи,

потому что не нуждаются въ мысли. Ихъ идеалъ: это сонъ безъ сновидѣній. Оставляя ихъ въ сторонѣ, мы считаемъ себя въ правѣ поставить себѣ аксіомою: человѣкъ обязанъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли, въ каждомъ чувствѣ и дѣйствіи.

На этомъ основаніи мы должны отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какое значеніе имѣетъ философскій элементъ, присутствующій въ человѣческой дѣятельности. Мы увидимъ, что въ разныхъ областяхъ этой дѣятельности онъ проявляется различно и потому полное уясненіе значенія слова философія можетъ быть лишь окончательнымъ результатомъ нашихъ бесѣдъ. Мы сначала откроемъ присутствіе его въ различныхъ отдѣльныхъ процессахъ. Сдѣлать это очень легко. Если справедливо, что философія присутствуетъ во всякой нашей мысли, то она можетъ быть открыта въ произвольно-выбранной фразѣ. Конечно, въ одномъ случаѣ удобнѣе, въ другомъ менѣе удобно открыть ея присутствіе, но всегда возможно.

Я желаю знать, что такое философія?

Конечно, можно бы подумать, что насъ, при разборѣ этого вопроса, всего дольше займетъ послѣднее слово, какъ важнѣйшее. Можно подумать, что другія слова, ему предшествующія, для насъ несущественны, такъ какъ въ этой фразѣ они составляютъ только необходимую грамматическую форму для мысли концентрирующейся на словѣ *философія*. Между тѣмъ, мы на первыхъ наиболѣе остановимся; вдумываясь поочередно въ слова: *желаніе*, *знаніе*, *я*, мы увидимъ, что они приведутъ насъ сами собою къ уясненію одного значенія слова *философія*. Постараемся понять собственный вопросъ, и мы сами отвѣтимъ на него, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько философія составляетъ элементъ *знанія* Итакъ постараемся осмыслить слова: *я желаю знать*, безпрестанно нами употребляемые по привычкѣ. Начнемъ съ простѣйшаго—съ *желанія*. Слово *желаніе* кажется съ перваго взгляда такъ просто, что его и разбирать не стоитъ. Каждый изъ насъ слыхалъ и самъ говорилъ о напрасныхъ желаніяхъ, о ненасытныхъ, суетныхъ, мимолетныхъ желаніяхъ и т. д. и т. д. Желаніе, развивающееся въ страсть представляется намъ въ борьбѣ съ разсудкомъ, съ

долгомъ, и борьба послѣднихъ началъ противъ первыхъ ставится обыкновенно въ обязанность человѣку, какъ нравственному существу. Это первое, самое поверхностное пониманіе значенія слова *желаніе*. Но этого недостаточно; чтобъ оцѣнить какое либо явленіе, надо изслѣдовать его болѣе внимательно. Если невѣжда говоритъ о комнатѣ: „она пуста“ то человѣкъ, хотя немного знакомый съ физикою, знаетъ, что комната наполнена воздухомъ. Давленіе воздуха физикъ не ограничиваетъ исключительными проявленіями бури, которая разрушаетъ зданія и сбиваетъ васъ съ ногъ; онъ беретъ барометръ и показываетъ, что на васъ постоянно, незамѣтно для васъ самихъ, давитъ такое то число пудъ воздуха. Точно такъ-же поступаетъ психологъ, разбирая желаніе. Онъ не разсматриваетъ его только въ исключительную минуту борьбы желаній, переходящихъ въ страсти, съ пріобрѣтенными идеями справедливаго, добраго, истиннаго; но онъ слѣдитъ его давленіе на ваше нравственное бытіе, открывая его вездѣ и всегда, и говоритъ вамъ: *желаніе есть источникъ всякой человѣческой дѣятельности.*

Множество предметовъ проходятъ постоянно предъ вами, но вы остановились на одномъ. Онъ возбудилъ ваше вниманіе. Это вниманіе есть уже поставленный вопросъ. Всякій вопросъ есть неудовлетворенное желаніе.—Вы чувствуете радость, печаль, сожалѣніе, общее утомленіе. Разберите внимательнѣе эти чувства и вы вездѣ откроете присутствіе желанія.—Самый разсудокъ и долгъ, противопоставляемые моралистами страсти, суть не что иное, какъ желаніе открыть продолжительнѣйшее, полнѣйшее наслажденіе, желаніе воплотить нашъ нравственный идеалъ, на алтарѣ котораго мы готовы заколоть другія желанія, представляющіяся намъ унизительными. Нѣтъ явленіе въ жизни человѣка, въ которомъ бы не присутствовало желанія. Вся наука есть отвѣтъ на человѣческія желанія. Они воплощаются въ художественные и религіозные идеалы, въ системы мыслителей. Современные психологи видятъ въ наукѣ душевныхъ явленій систему побужденій или элементарныхъ желаній. Въ 1860-мъ году умеръ послѣдній изъ предводителей самостоятельныхъ германскихъ школъ послѣ Канта, Артуръ Шопенгауэръ: онъ распространялъ значеніе желанія, въ формѣ

воли, не только на весь внутренній міръ человѣка, но и внѣ его; вся природа представлялась Шопенгауэру какъ проникнутая волей. Но намъ нечего обращаться къ метафизическимъ системамъ, чтобъ увидѣть волю, перенесенную человѣкомъ внѣ себя, въ природу. Все поэтизированіе, одушевленіе природы заключается въ томъ, что мы предполагаемъ во внѣшнихъ предметахъ нѣчто аналогическое нашему желанію въ его разныхъ преобразованіяхъ и проявленіяхъ. Наконецъ въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ языка: аэростатъ *стремится* подняться, тѣло *противится* сжатію, скрывается тотъ-же процессъ.

Итакъ мы открыли присутствіе желанія повсюду въ дѣятельности человѣка. Чтобъ открыть его, мы брали поочередно различныя явленія и стремились найти въ нихъ единство. Мы говоримъ, что поняли значеніе желанія для человѣка, когда оно намъ представилось общимъ источникомъ человѣческой дѣятельности, началомъ, помощью котораго эта дѣятельность представляетъ нѣчто единое.—Но если желаніе есть источникъ, основное явленіе человѣческой дѣятельности, то, съ другой стороны, мы можемъ его разсматривать какъ нѣчто сложное, составное. Существованіе понятій, которыя съ одной стороны суть простѣйшія для цѣлаго ряда другихъ понятій, а съ другой представляются сложными результатами, есть одинъ изъ важныхъ фактовъ науки мышленія. Мы не можемъ его здѣсь разобрать въ его общности, но покажемъ на примѣрахъ, что онъ представляется въ различныхъ областяхъ знанія. Многіе ботаники видятъ во всѣхъ органахъ растенія преобразованіе одного и того-же органа—листа, между тѣмъ самый листъ состоитъ изъ системы клѣточекъ разнаго рода. Какъ геометрическая форма, онъ вовсе не простъ; какъ химическій составъ, онъ довольно сложенъ. Еще ближе къ нашему воцросу примѣръ движенія. Современное естествознаніе стремится объяснить всю природу, какъ систему разнообразныхъ движеній. Англійскіе психологи нашли, что движеніе нашихъ органовъ есть путь, помощью котораго человѣкъ доходитъ до понятія о пространствѣ и времени. Между—тѣмъ представленіе самаго движенія, есть представленіе нѣкоторыхъ разстояній, послѣдо-

вательно измѣняющихся, и наука о движеніи начинается съ разложенія понятія о немъ на понятія пространства и времени.

Такъ и желаніе можно разложить на простѣйшія начала. Всякое желаніе предполагаетъ два полюса: *желаемый предметъ* и *желающее существо*, между которыми желаніе является чѣмъ-то посредствующимъ. Я желаю нѣчто; этимъ самымъ я говорю, что знаю существованіе чего-либо внѣ меня, и мое желаніе выходитъ изъ моего отношенія къ предмету этого желанія. И такъ, въ желаніи лежитъ, вопервыхъ, представленіе предмета, вовторыхъ, сознаніе моего *я*, въ третьихъ, признаніе нѣкотораго отношенія между мною и этимъ предметомъ. Обратимся къ первому.

Мы представляемъ себѣ какой либо предметъ. При этомъ мы легко замѣтимъ, что мы не сейчасъ его представляемъ такъ, какъ впослѣдствіи времени, послѣ тщательнаго изслѣдованія. Мы взглянули на предметъ; различныя наши чувства восприняли отъ него разнообразныя впечатлѣнія; память вызвала подобныя впечатлѣнія, полученныя отъ извѣстныхъ уже намъ предметовъ; воображеніе подсказало намъ, что предъ нами тотъ или другой изъ этихъ извѣстныхъ намъ предметовъ. Представленіе готово. Но мы легко встрѣчаемся съ такимъ признакомъ, который противорѣчитъ составленному представленію. Напримѣръ: намъ показалось, что мы видѣли въ окнѣ нашего знакомаго, а черезъ нѣсколько минутъ мы его встрѣтили и т. п. Мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что представленіе, нами составленное, было *ложно*. Мы дали слишкомъ много права нашему воображенію. Мы не довольно признаковъ предмета въ самомъ дѣлѣ восприняли, чтобъ опредѣлить, какой именно предметъ былъ передъ нами. Надо исправить это *ложное* представленіе. Для этого надо стараться воспринять отъ предмета возможно-бо́льшее число его признаковъ. Надо разнообразить *наблюденія* предмета. Каждый новый признакъ, наблюдаемый нами, исправляетъ или дополняетъ наше представленіе. Зная, какъ легко мы можемъ впасть въ ложное представленіе при недостаточномъ числѣ признаковъ, мы нарочно удерживаемся отъ произнесенія приговора о нашемъ

представленіи, пока не считаемъ число сдѣланныхъ наблюденій уже довольно значительнымъ.—Иногда мы поступаемъ иначе. Получивъ нѣсколько признаковъ, мы дѣлаемъ *предположеніе*, т. е. ставимъ предъ собою нѣкоторое извѣстное уже представленіе, задавая себѣ вопросъ: не *этотъ*-ли предметъ подлежитъ нашему изслѣдованію? Сдѣланное *предположеніе* мы должны *оправдать*, то есть мы ищемъ уже въ изучаемомъ предметѣ признака предполагаемаго. Съ каждымъ найденнымъ изъ этихъ признаковъ наше предположеніе болѣе и болѣе оправдывается, дѣлается болѣе и болѣе *вѣроятнымъ*; мы останавливаемся съ большимъ убѣжденіемъ на поставленномъ представленіи. Нашли мы признакъ противорѣчивый, и сдѣланное представленіе оказывается ложнымъ, лишается *реальности*. Оно дѣйствительно только для нашего воображенія, а внѣ насъ оно ничему не соотвѣтствуетъ.

Накопляя наблюденія признаковъ предмета и оправдывая наше предположеніе о немъ рядомъ нарочно дѣлаемыхъ наблюденій, *опытовъ*, мы *узнаемъ* предметъ болѣе и болѣе. Наше *знаніе* ростетъ съ числомъ и разнообразіемъ воспринятыхъ признаковъ. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ, такъ существенны для насъ, что мы раздѣляемъ предметы на отдѣлы, смотря по присутствію или отсутствію *этихъ* признаковъ. Образуются области *знанія*, группы *наукъ*.

Такъ мы собираемъ всѣ предметы, въ представленіе которыхъ не входитъ противорѣчивыхъ признаковъ и отъ которыхъ мы можемъ получить достаточно полную группу признаковъ: это для насъ предметы прямого наблюденія, предметы внѣшняго міра, относящіеся къ *естествознанію*. Если изслѣдуемые предметы не подлежатъ прямому нашему наблюденію, но были наблюдаемы другими лицами, мы же имѣемъ предъ собою лишь слова и знаки, ихъ изображающіе, то подобные предметы мы назовемъ предметами *свидѣтельства*, и они преимущественно относятся къ *исторіи*. Наконецъ, если мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе нѣкоторыхъ признаковъ, необходимыхъ для реальнаго бытія, или находимъ какое-либо противорѣчіе, то предметы принадлежатъ только нашему *сознанію*, внутреннему міру нашего *я*; они относятся къ наукѣ духов-

ныхъ явленій, къ *психологіи* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Вотъ три главныя области знанія, въ разныхъ случаяхъ сливающіяся одна съ другою. Но посмотримъ, на сколько знанія каждой изъ нихъ *самостоятельны* и на сколько опираются на данныя, заимствованныя изъ другихъ областей. Посмотримъ, на сколько мы можемъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ *знаемъ* факты, относящіеся къ каждой изъ упомянутыхъ областей.

Начнемъ съ исторіи. Знаемъ-ли мы факты царствованія Нерона? Легко замѣтить, что мы знаемъ не ихъ, но книгу, въ которой они описаны, учителя, который намъ ихъ сообщилъ въ разсказѣ. Мы знаемъ еще другія книги и другихъ учителей, которые свидѣтельствуютъ достовѣрность повѣствованій, помѣщенныхъ у Тацита и въ историческихъ курсахъ. Мы все это сравниваемъ въ процессѣ мышленія и убѣждаемся, что событія царствованія Нерона въ самомъ дѣлѣ были таковы, какъ намъ ихъ передали. То же повторяется при усвоеніи всякаго историческаго факта. Наше знаніе распадается на знанія нѣсколькихъ предметовъ прямаго наблюденія (книга, учитель, памятники и т. п.) и на знаніе нѣсколькихъ предметовъ внутренняго міра, именно, различныхъ пунктовъ процесса нашей мысли, которая переходитъ путемъ сравненія представленій, чрезъ родъ вѣроятностей, къ убѣжденію въ достовѣрности историческаго событія. Историческое знаніе очевидно несамостоятельно; оно опирается на знаніе предметовъ внѣшняго міра и на процессъ мысли; оно лишь на столько достовѣрно, на сколько восприняты предметы внѣшняго міра и на сколько правиленъ процессъ нашего мышленія.

Переходимъ во вторую область, къ предметамъ внѣшняго міра. Знаемъ-ли мы ихъ? Знаемъ ли мы, напримѣръ, *книги*? Легко и тутъ замѣтить, что мы знаемъ не предметъ, а нѣкоторыя явленія, *нами* воспринимаемыя: очеркъ, свѣтъ и тѣнь, цвѣтъ, температуру, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость поверхности и т. п. Весь внѣшній міръ даетъ намъ только рядъ явленій, обнаруживающихся рядомъ впечатлѣній. Вся наука имѣетъ предметомъ только *явленія*. Эти

явленія представляются *мнѣ*, какъ одновременно повторяющаяся группа, и *я* составляю изъ нихъ *предметъ*. Эти явленія представляются *мнѣ* группою, повторяющеюся въ своей послѣдовательности, и *я* составляю изъ нихъ *законъ*. Изъ всей совокупности явленій, *мною* воспринимаемыхъ, *я* строю съ разныхъ точекъ зрѣнія *вселенную, міръ, природу*. Все цѣлое въ внѣшнемъ мірѣ принадлежитъ *мнѣ*, моему построенію. Я получаю только отдѣльное, отрывочное.

Самыя явленія я признаю имѣющими самостоятельное *реальное* бытіе лишь на основаніи *моего* обсужденія ихъ. Мое мышленіе придаетъ имъ реальность или отнимаетъ ее у нихъ. Напримѣръ, я получаю впечатлѣніе свѣта. Явленіе *дѣйствительно* произошло, потому-что я его воспринялъ; но я повѣряю его. Я закрываю глаза и продолжаю видѣть свѣтъ. Тогда я *заключаю*, что воспринятое мною свѣтовое явленіе нереально: оно принадлежитъ моему внутреннему міру, или, какъ обыкновенно выражаются, оно *субъективно*. Противорѣчіе *въ мышленіи* заставило меня *отрицать* реальность явленія. Беру тоже явленіе. Я вижу свѣтъ. Я убѣждаюсь, что вижу его *внѣ* себя. Но, подходя къ предмету, отъ котораго я получилъ свѣтъ, я встрѣчаю гладкую, холодную поверхность на разстояніи несравненно меньшемъ, чѣмъ долженъ бы встрѣтить свѣтящее тѣло. Я *заключаю*, что это свѣтъ отраженный. Мышленіе побуждаетъ меня признать реальность явленія, но не такого, какъ я его воспринимаю, а другого, сообразнаго моему процессу мышленія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мышленіе мое допускаетъ реальность свѣта, исходящаго изъ той самой точки, гдѣ я его воспринимаю.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ я имѣю воспринятое явленіе. Оно принадлежитъ *моему* внутреннему міру. Затѣмъ я имѣю другія явленія, *туда же* принадлежащія и служащія мнѣ для контроля перваго. Далѣе я имѣю процессъ мышленія, сравнивающій эти явленія, опредѣляющій ихъ вѣроятность и достовѣрность, реальность въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ или субъективную дѣйствительность. Этотъ вопросъ мышленія весь принадлежитъ моему внутреннему міру. Итакъ, все мое знаніе *внѣшняго* міра сводится на рядъ явленій, происходящихъ въ

моемъ *я*. Весь внѣшній міръ является какъ результатъ умозаключеній, извлеченныхъ изъ процессовъ во *мнѣ* происходящихъ. На сколько этотъ процессъ правиленъ, настолько лишь я могу *знать* внѣшній міръ. Я заснулъ, задумался, развлекся, потерялъ способность вѣрно судить, и я окруженъ міромъ призраковъ; предметы проходятъ предо мной безъ моего вѣдома; мои представленія предметовъ сбивчивы, уродливы.

И между этими предметами внѣшняго міра, которые мнѣ извѣстны только, какъ соединенныя *мною* группы явленій, находится мое собственное тѣло. Мнѣ могутъ возразить: «нѣтъ, свое тѣло мы сознаемъ прямо; мы его чувствуемъ. Для этого не нужно ни группировки явленій; ни умозаключеній». Возраженіе было бы справедливо, еслибъ все, что мы чувствуемъ въ нашемъ тѣлѣ, соотвѣтствовало *всегда* тому, что въ-самомъ-дѣлѣ есть, и еслибъ мы чувствовали *все*, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ. Но ни то, ни другое не имѣетъ мѣста, что можно бы подтвердить многочисленными примѣрами. Часто инвалидъ *чувствуетъ* боль въ пальцѣ давно-сгнившей руки. Въ нашемъ тѣлѣ безпрерывно происходитъ рядъ процессовъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ, пока они совершаются нормально. Чтобъ ихъ узнать, мы должны наблюдать ихъ такъ, какъ наблюдаемъ внѣшніе предметы. Еще болѣе. Весьма-многія изъ этихъ процессовъ мы изучаемъ помощью разсѣченій чужого тѣла и отъ этого внѣшняго наблюденія дѣлаемъ умозаключеніе о существованіи подобныхъ же процессовъ въ нашемъ тѣлѣ. Все это заставляетъ насъ не исключить и нашего тѣла изъ того, что мы говорили о предметахъ внѣшняго міра. Повторяя: знаніе всего внѣшняго міра и въ немъ нашего тѣла сводится на рядъ явленій, воспринимаемыхъ нашимъ *я*, обсуживаемыхъ въ нашемъ *я*, и отъ которыхъ наше *я* умозаключаетъ о существованіи внѣшняго міра такъ, какъ мы его познаемъ.

Такимъ-образомъ, мы свели знаніе исторіи на знаніе внѣшняго и внутреннихъ процессовъ нашего *я*. Внѣшній міръ свели тоже на внутренній процессъ въ нашемъ *я*. Изъ двухъ полюсовъ желанія, желаемое оказалось непонятнымъ безъ желающаго существа.

Наконецъ, постепенное развертываніе понятій, лежащихъ въ словахъ *желаніе* и *знаніе* поставленнаго нами вопроса, привело насъ неудержимо къ третьему слову того же вопроса, къ изслѣдованію нашего *я*.

Что такое *я*? Кажется, самое простое, самое понятное изъ трехъ словъ, о которыхъ мы говоримъ, и между-тѣмъ, самое трудное для нашего пониманія. Вся исторія, весь внѣшній міръ сведенъ на процессы, происходящія въ нашемъ я; но какъ только мы коснулись этого центра, этого основанія всего остального, онъ расплывается на тѣ самыя начала, которыя мы только-что на него свели.

Исторія и природа оказались представленіями, результатами мышленія нашего *я*; но оно само невыдѣлимо отъ предметовъ, которые имъ представляются, о которыхъ оно мыслитъ. Въ этомъ существѣ, постоянномъ съ перваго взгляда, мы замѣчаемъ неудержимый процессъ преобразованія. Каждое мгновеніе уноситъ что нибудь изъ моего вчерашняго бытія; каждое мгновеніе готовитъ во мнѣ завтрашняго человѣка. Мое *я* постоянно развивается подъ вліяніемъ исторіи и природы, той самой исторіи и природы, которыя я сознаю только въ моемъ измѣняющемся *я*. Мои желанія, знанія, мысли постоянно мѣняются. Въ своемъ *я* именно нельзя найти ничего постояннаго, и это составляетъ трудность вопроса о немъ.

Различныя ученія предложили нѣсколько противорѣчивыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Спиритуалисты говорятъ, что *я*— есть отдѣльная, самостоятельная *сущность*, противополагаемая внѣшнему міру; измѣняются впечатлѣнія, имъ получаемыя отъ внѣшняго міра, но оно остается неизмѣнно. Матеріалисты говорятъ, что *я* есть отвлеченный призракъ, созданный памятью изъ продолжающагося сознанія существованія тѣла; это слово для процесса, а не для *сущности*; это нѣчто аналогическое волнѣ, въ которой все измѣняется и для которой сущность есть нѣчто безформенное—вода. Я не имѣю вовсе намѣренія обсуживать эти рѣшенія; но для насъ важно сходство обоихъ рѣшеній въ одномъ, главномъ пунктѣ. Это особая *сущность*, говорятъ одни; это—проявленіе другой *сущности*, говорятъ другіе. Оба говорятъ о *сущности* явленій, а не о самыхъ явле-

ніяхъ. Вопросъ о нашемъ *я* оказывается вопросомъ о сущности вещей; но мы ограничили науку изслѣдованіемъ явленій; немудрено, что вопросъ о нашемъ *я*, выходящій изъ этой области, для насъ научно—неразрѣшимъ.

Съ вопросомъ о сущности нашего *я* связано много другихъ вопросовъ того же рода. Отъ него, какъ видимъ, нераздѣленъ вопросъ: какая *истинная* зависимость между нашимъ *я* и внѣшнимъ міромъ? Далѣе: въ этомъ мірѣ, признанномъ нами за *реальный*, вслѣдствіе отсутствія противорѣчій, что *дѣйствительно?* Какая *истинная* зависимость между моею мыслію и бытіемъ? Какая *истинная* зависимость между всѣмъ реальнымъ? Что въ немъ *существенно?* и т. д.

Все это вопросы, къ которымъ мы были приведены невольно, изучая внимательно значеніе трехъ простыхъ словъ разбираемой нами фразы. Они открыли намъ огромное содержаніе явленій, принадлежащихъ различнымъ отраслямъ науки и еще далѣе содержаніе, превосходящее средства науки. Воспринятыя явленія составляли наше *знаніе*. Вопросы о сущности остались внѣ его.

Но въ самой наукѣ мы нашли многое, прибавленное къ знанію. Мы видѣли, что въ знаніи получаются отдѣльныя, разрозненныя явленія. Мы изъ нихъ *строимъ* предметы, *строимъ* законы, *строимъ* отдѣльныя науки, строимъ науку вообще. Тамъ, гдѣ она кончается съ прекращеніемъ познаваемыхъ *явленіе*, мы продолжаемъ ставить вопросы о *сущности* вещей и отвѣчаемъ на нихъ болѣе или менѣе—рѣшительно.

Какой же это элементъ прибавляется къ знанію, чтобъ построить изъ него науку и потомъ охватить еще вопросы, неподлежащіе наукѣ? Это элементъ *философскій*.

Мы построили всѣ дѣятельность человѣка, какъ результатъ *одного* начала—желанія. Мы свели все знаніе на знаніе *одного* начала—нашего внутренняго процесса; мы поставили вопросъ о томъ, что существенно во внѣшнемъ и во внутреннемъ бытіи, то есть, какое *одно* начало всего сущаго. Все это проявленія *философіи въ знаніи*.

Мы произнесли послѣднее слово нашего вопроса и, какъ вы видите, смыслъ этого слова уже заключался во всемъ предъ-

идущемъ. Намъ осталось только дать названіе извѣстному началу. Намъ удобнѣе было-вывести значеніе философіи въ знаніи изъ этого вопроса, который мы поставили; но смыслъ получился-бы тотъ-же самый и изъ всякаго другого. Философія знанія получается, какъ естественное слѣдствіе вниканія въ произносимыя нами слова. Самое это вниканіе, надлежащее пониманіе собственныхъ словъ есть уже проявленіе философіи въ знаніи; мы *должны* философствовать или должны отказаться, отъ пониманія самихъ себя; но такъ-какъ мы всегда, *хотя нѣсколько*, понимаемъ то, что говоримъ, то *мы всѣ философствуемъ невольно.* Въ построеніи законовъ ученый употребляетъ философское мышленіе и безъ него ученость заключалась-бы лишь въ собраніи фактовъ; безъ него наука не могла бы существовать. Философія присутствуетъ въ сближеніи наукъ, въ объясненіи всего сущаго, какъ единаго цѣлаго, въ отысканіи зависимости однихъ явленій и существъ отъ другихъ, въ рѣшеніи вопросовъ о сущности вещей.

На этой высшей точкѣ обработки философіи въ знаніи всѣ мыслимыя нами явленія располагаются, какъ нити около шара, связанныя въ различныхъ мѣстахъ узлами, такъ—что, начиная съ одного изъ этихъ узловъ, можно перейти ко всѣмъ нитямъ и къ прочимъ узламъ. Тотъ узелъ, съ котораго мы начинаемъ, представляется намъ основнымъ, первоначальнымъ, *сущностью* всѣхъ прочихъ. Остальные-же узлы отступаютъ на второй планъ, дѣлаются для насъ результатами, проявленіями основной сущности.

Различные мыслители въ разное время, по личному своему настроенію, или подъ вліяніемъ современныхъ событій, принимали за исходную точку тотъ или другой изъ этихъ узловъ, начинали съ того или другаго явленія, какъ основнаго, существеннаго, и отсюда вытекаетъ разнообразіе *философскихъ системъ.* Всѣ они имѣли одну и туже цѣль: построеніе во единое стройное цѣлое всего мыслимаго человѣкомъ. Всѣ онѣ до тѣхъ-поръ могли существовать, пока охватывали *всѣ* факты знанія; всѣ онѣ имѣли свою долю истины, потому что принимали за основаніе одно изъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ самомъ дѣлѣ; но онѣ различались перспективою, по которой въ нихъ

располагались явленія. Три главныя области человѣческаго знанія могутъ служить къ основному раздѣленію философскихъ системъ.

Такъ весьма многихъ мыслителей поразила наиболѣе зависимость человѣка отъ внѣшняго міра. Они допустили бытіе особой самостоятельной сущности, которая только проявляется въ человѣкѣ, какъ въ прочихъ явленіяхъ внѣшняго міра. Еврей Барухъ Спиноза придалъ этой сущности одновременно протяженіе и сознаніе и основалъ свою пантеистическую систему. Точно также матеріалисты предполагаютъ бытіе общей безсознательной сущности—вещества, которая въ своихъ разнообразныхъ формахъ даетъ какъ всѣ явленія внѣшняго міра, такъ и явленія нашего сознанія. Объ эти школы принимали за точку исхода природу, внѣшній міръ, подъ разными названіями, и отъ него переходили ко всему остальному. Ихъ можно назвать *философами природы*.

Великая школа германскихъ идеалистовъ была поражена обратной зависимостью фактовъ нашего знанія отъ процессовъ нашего сознанія. На этой же точкѣ стоялъ отецъ новой философіи Рене Декартъ, начиная свое построеніе словами: *мышлю, слѣдовательно я есмь*. Человѣческое сознаніе здѣсь сдѣлалось исходнымъ пунктомъ, отъ котораго переходили ко всѣмъ остальнымъ. Но *философовъ сознанія*—если такъ позволительно назвать всѣхъ мыслителей этого направленія—приходится еще подраздѣлить по тѣмъ изъ данныхъ сознанія, которыя были ими приняты за существенныя. Одни, съ Декартомъ, поставили впереди всего сознаніе двойственности міра внѣшняго и внутренняго, и получили *двѣ* сущности: духъ и вещество въ ихъ таинственномъ совокупленіи. Другіе поставили выше всего обобщающую мысль, сдѣлали даже изъ нея нѣчто самостоятельное, отдѣльное отъ человѣка, и построили все сущее какъ процессъ развивающейся безусловной мысли; совершеннѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Гегель. Сюда же можно причислить и тѣхъ, которые выходили изъ сознанія человѣка какъ единаго, нераздѣльнаго цѣлаго, въ своей цѣлости составляющаго центръ всего сущаго, являющагося въ своемъ реальномъ бытіи, какъ продуктъ внѣшняго

міра и событій минувшаго, а въ мысли и въ дѣйствіи какъ источникъ построенія природы и исторіи.

Были, наконецъ школы, которыя черпали свой исходный пунктъ изъ какого-либо историческаго преданія, принимали его за неоспоримую сущность, и изъ этой сущности строили міръ, человѣка и исторію. Это были *философы преданія.*

Во всѣхъ этихъ случаяхъ проявлялось стремленіе овладѣть всѣми фактами знанія, какъ частностями одного стройнаго цѣлаго, понять ихъ въ ихъ общей связи, разрѣшая и тѣ вопросы, которые наука должна была оставить въ сторонѣ. Эта *философская* дѣятельность представляется намъ нераздѣльною отъ аксіомы: должно отдавать себѣ отчетъ въ нашей мысли, и потому является *обязательною* для человѣка, какъ дѣятельность сознательная. Мы видѣли, что въ безсознательномъ видѣ она неизбѣжна.

Но должно постоянно имѣть въ виду главныя условія построенія правильной философской системы. Факты знанія должны служить ей основаніемъ. Всякое противорѣчіе между фактомъ и системою влечетъ за собою неизбѣжное осужденіе системы. Она должна обнять всѣ извѣстные факты, или она неполна. Чѣмъ естественнѣе располагаются въ ней факты, чѣмъ проще сближенія, чѣмъ меньше гипотезъ она допускаетъ, тѣмъ она дѣлается вѣроятнѣе, и ея, идеалъ, это—группировка фактовъ, которая *сама собою* указываетъ на ихъ построеніе въ одно стройное цѣлое.

Мы сдѣлали очеркъ значенія философіи въ знаніи. Мы видѣли ее въ уясненіи употребляемаго слова, въ группировкѣ фактовъ, въ построеніи науки, въ созданіи системъ. Но намъ представляется вопросъ: какое психологическое начало побуждаетъ насъ къ этой дѣятельности? знаніе останавливается на фактѣ и довольствуется фактомъ: но группировка, построеніе принадлежатъ другому элементу. Этотъ элементъ въ знаніи явился философіею, но онъ можетъ имѣть еще и другія проявленія, внѣ знанія. Этотъ элементъ, какъ психологическій, можетъ имѣть свою область дѣятельности только частью захватывающую область знанія. Онъ можетъ быть, поэтому, предметомъ особаго изслѣдованія, и въ его области слово *философія* можетъ измѣнить свое значеніе.

Психологическое начало, которое въ области знанія приводимо къ философіи, есть *творчество*. Оно строитъ науку изъ фактовъ знанія и охватываетъ науки философскою системою. Но его проявленія несравненно обширнѣе, и мы должны обратиться къ обзору его области. Въ ней философія проявляется уже иначе, чѣмъ въ знаніи, и разсмотрѣніе значенія философіи въ творчествѣ составитъ предметъ нашей слѣдующей бесѣды.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Что такое философія въ творчествѣ?

Обзоръ предъидущей бесѣды.—Область творчества.—Начальныя его проявленія.—Анализъ знанія.—Анализъ творчества.—Искусство.—Значеніе формы.—Патетическое дѣйствіе.—Сила художественныхъ идеаловъ.—Миѳическіе идеалы.—Одинъ.—Научное построеніе.—Развитіе религіозныхъ миѳовъ.—Метафизическіе миѳы.—Преобразованіе формъ.—Рутина.—Критика.—Философія въ творчествѣ—Борьба съ идолами.—Переходъ къ процессу жизни.

Въ предъидущей бесѣдѣ мы разбирали философскій элементъ знанія, строющагося въ науку. Мы открыли его въ приданіи отдѣльнымъ свѣдѣніямъ единства, разрозненнымъ замѣчаніямъ стройности, фактамъ знанія—формы науки. Наконецъ мы видѣли, что изъ отдѣльныхъ наукъ, обнимающихъ явленія, философія переходитъ и въ область вопросовъ о сущности вещей, и все это обстроиваетъ въ одно зданіе философской системы. Эту философскую дѣятельность въ наукѣ мы отнесли къ творчеству, и теперь самое творчество беремъ предметомъ нашего изслѣдованія, будемъ наблюдать его проявленія, всмотримся въ его процессъ и откроемъ въ немъ то, что мы имѣемъ право назвать *философскимъ элементомъ творчества*.

Самое простое примѣненіе слова *творчество* представляется намъ въ искусствѣ и соотвѣтствуетъ тому, что называютъ *фантазіею* художника. Здѣсь никто не споритъ о томъ, что слово творчество можетъ быть примѣнено.

Но мы скоро замѣчаемъ много явленій однородныхъ предъидущему, отличающихся лишь оттѣнками отъ перваго безспорнаго факта. Народная поэзія стоитъ не ниже, если во многихъ случаяхъ не выше произведеній личной фантазіи художника. Но въ народной поэзіи нераздѣльно участвуетъ

безсознательный элементъ религіозныхъ вѣрованій, миѳологическихъ образовъ. Всѣ миѳологіи представляются намъ, какъ формы народной безсознательной поэзіи. Можно ли же въ миѳологіяхъ отрицать *творческую* дѣятельность? Но гдѣ начало миѳологій? Разверните трудъ современныхъ ученыхъ по этому предмету, напримѣръ, замѣчательный трудъ г. Буслаева, и вы убѣдитесь, что почти каждый оборотъ народной рѣчи скрываетъ въ себѣ эпическое миѳологическое представленіе. *Слово* есть первое воплощеніе миѳологіи, оно есть и первое поэтическое произведеніе народовъ; *языкъ есть первый результатъ творчества.*

Но я, можетъ быть, выразился нѣсколько-неосторожно. *Слово* есть не единственная форма для воплощенія нашего духовнаго процесса. Литература есть не единственное искусство. Сознательному пластическому творчеству предшествовало символическое обозначеніе предмета и въ исторіи этихъ символическихъ изображеній живописныя хроники мехиканцевъ (если они достовѣрны), египетскіе іероглифы, различныя азбуки, до короткихъ и длинныхъ черточекъ китайскаго И—гиня, составляютъ рядъ памятниковъ человѣческаго, пластическаго творчества, древность котораго во всякомъ случаѣ немногимъ уступаетъ древности перваго слова.

Впрочемъ, если тутъ, мнѣ приходится остановиться, на *едва-ли,* то мы имѣемъ еще проявленіе творчества, въ которомъ никто не станетъ оспаривать одинаковой древности съ произведеніями слова, если нѣкоторымъ не покажется, что слово уступаетъ тому проявленію, о которомъ теперь я хочу сказать. Въ самомъ сложномъ изъ современныхъ искусствъ, въ драматическомъ, на ряду съ словомъ *движеніе* является формою творчества и ставитъ Мартынова, Гаррика, Тальму наравнѣ съ великими дѣятелями всѣхъ остальныхъ отраслей искусства. Въ древней пантомимѣ мы находимъ частное искусство, основанное на одномъ творчествѣ тѣлодвиженій и лишенное подъ маскою древняго актера, даже игры физіономіи. Но это искусство тѣлодвиженій и мимики, сознательное въ актерѣ, принадлежитъ человѣку всегда и вездѣ; и въ необразованномъ человѣкѣ оно проявляется болѣе разнообразно съ

болѣе неудержимою силою, чѣмъ въ обществѣ, связанномъ условными приличіями. Къ указаннымъ формамъ простѣйшаго творчества прибавимъ еще *звукъ голоса*, придающій слову его патетическую силу, способный въ крикъ воплотить духовное состояніе человѣка, даже безъ слова. Въ глубокой древности онъ является животнымъ предшественникомъ человѣческаго слова, впослѣдствіи могущественнымъ орудіемъ оратора и, наконецъ въ своемъ самостоятельномъ, вполнѣ сознательномъ развитіи, чаруетъ насъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ.

Такимъ-образомъ, слово и знакъ, еще древнѣе движеніе и звукъ голоса составляютъ первыя проявленія человѣческаго творчества въ существахъ, потомству которыхъ было суждено овладѣть міромъ силою своей мысли.

Движеніе и звукъ голоса, слово и знакъ связаны исторически съ безспорнымъ творчествомъ искусства и сближаются съ нимъ едва замѣтными оттѣнками; поэтому мы въ правѣ видѣть повсюду здѣсь одно и то же начало человѣческой дѣятельности; назовемъ его творчествомъ, относя къ творчеству художника болѣе опредѣленное слово *фантазія*. Въ указанныхъ простѣйшихъ проявленіяхъ намъ легче разобрать значеніе творчества, усложняющагося впослѣдствіи. Когда физикъ изслѣдуетъ законы тяжести, то онъ обращается къ явленіямъ, гдѣ она проявляется въ самой простой формѣ, къ паденію тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. При движеній тяжелаго тѣла въ воздухѣ, когда мы бросимъ его подъ угломъ, проявляется то-же вліяніе тяжести, но явленіе, по своей сложности, дѣлается весьма неудобнымъ для изслѣдованія каждаго изъ условій, въ него входящихъ. Возьмемъ-же эти явленія творчества, посмотримъ, какъ они совершаются и откроемъ въ нихъ особенность творческаго процесса въ человѣкѣ, въ отличіе отъ процесса знанія, составляющаго предметъ нашей послѣдней бесѣды.

Я иду по дорогѣ и встрѣчаю внезапно бѣшеную собаку. Я испугался, перемѣнился въ лицѣ и вскрикнулъ; потомъ, когда прошла опасность и меня спрашиваютъ о причинѣ моего испуга, говорю: „собака“... и даже могу написать рядомъ нѣсколько знаковъ, взглянувъ на которые, какъ я, такъ и всякій изъ насъ, немедленно вызываетъ въ своей памяти пред-

ставленіе собаки. Здѣсь произошли оба процесса: *знаніе* и *творчество*; сравнимъ ихъ.

Я воспринялъ рядъ внѣшнихъ явленій отъ реальнаго внѣшняго предмета. Изъ этихъ явленій, за отсутствіемъ въ нихъ противорѣчія, я убѣдился, что предо мною въ-самомъ-дѣлѣ реальный предметъ Я *узналъ* его; онъ изъ реальнаго предмета сдѣлался достояніемъ моей мысли; перешелъ процессомъ познанія изъ вещи, существующей независимо отъ меня, въ *мое* представленіе, *мое* понятіе. Изъ собаки, бѣгущей и способной укусить, познаніе извлекло лишь группу признаковъ этой собаки. *Узнанная* мною собака, оставшаяся въ моей памяти, въ моемъ воображеніи, лишена реальнаго бытія. *Предметъ, переходя чрезъ процессъ моего познанія потерялъ свою реальность.*

Но еще болѣе: какъ ни внимательно я посмотрѣлъ на собаку, но на меня подѣйствовали только нѣкоторыя частности ея. Я многаго не замѣтилъ, и не потому только, что испугался, но просто потому, что нѣтъ возможности воспринять изъ предмета все, что въ немъ заключается. Итакъ, узнанная собака есть болѣе отвлеченная, чѣмъ та, которая дѣйствительно существуетъ. Она потеряла не только реальность, но и полноту, живость, цѣльность своихъ признаковъ.

Я узналъ еще другое: я созналъ чувство страха при видѣ собаки. Это сознаніе страха, мысль „я испугался“, хотя чрезъ самый малый промежутокъ, но слѣдовало за самымъ процессомъ испуга. Когда же я подумалъ; „я испугался“, то я былъ въ состояніи отвлечь свое вниманіе отъ самаго процесса испуга; я могъ представить себѣ испугъ, какъ прошедшій, какъ нѣчто внѣшнее, составляющее для моей мысли предметъ изученія. Сознавая свой испугъ, я былъ уже относительно спокойнѣе. Сознанный, узнанный испугъ потерялъ для меня свое потрясающее дѣйствіе. Сознанный испугъ есть уже только *представленіе* испуга, и это представленіе лишено одного изъ элементовъ своего первоначальнаго процесса. И въ этомъ случаѣ мы видимъ, что *сознаніе, обдумываніе, мышленіе лишаетъ то, что мы узнаемъ, части его бытія*, переводя его въ нашу мысль, дѣлая его достояніемъ нашей мысли.

И точно такъ-же сознанный нами испугъ *отвлеченнье* испуга, въ насъ совершившагося. Мы въ мысли даже чрезъ самый короткій промежутокъ мы не въ состояніи повторить всю особенность испуга, именно такъ, какъ мы его претерпѣли.

Посмотримъ теперь на противоположный процессъ *творчества*, во мнѣ совершившійся. Я вскрикнулъ и измѣнился въ лицѣ. При этомъ общее чувство испуга, неимѣющее формы, доступное лишь мнѣ въ глубинѣ моего сознанія, получило форму, сдѣлалось доступно внѣшнему наблюденію, перешло въ міръ реальный. Выразившись въ опредѣленной формѣ, это чувство, въ своемъ проявленіи, пріобрѣло особенность, отдѣльность. Другой испугъ, или испугъ другого человѣка, выразится нѣсколько другою игрою физіономіи, другимъ крикомъ. Испугъ, необлеченный въ движеніе и крикъ, остается внѣ всякаго реальнаго бытія. Создавъ выраженіе: крикъ и движеніе, *я* прибавилъ реальный признакъ къ моему состоянію духа. Давъ ему форму, *я* обособилъ его. Если вы, позволите такъ выразиться, *творчество прибавило бытія* состоянію духа, облекая его формою.

Несравненно менѣе творческой дѣятельности въ пріисканіи слова и знаковъ, соотвѣтствующихъ представленію о собакѣ, мною составленному; это потому, что мы выучиваемъ слова и знаки, какъ нѣчто условное и повторяемъ механически-выученное. Но перенеситесь въ эпоху первобытныхъ народовъ, когда среди полузвѣрей, выражающихъ завываніемъ и движеніемъ свои чувства, явились немногіе способные обособить приличными тому звуками представленіе отдѣльнаго предмета. Припомните ребенка, создающаго названіе для того, что онъ воспринялъ изъ внѣшняго міра. Наконецъ, припомните писателя, создающаго новый терминъ, новый оборотъ рѣчи, воплощающій, по его мнѣнію, съ наибольшею ясностью и полнотою его мысль. Не увидите ли вы и здѣсь прибавленія бытія въ предметѣ? Къ характеристическимъ признакамъ группъ, изъ которыхъ у насъ въ воображеніи составляется представленіе предмета, прибавился еще признакъ: это—*названіе, слово*. Для того, кто его создалъ, оно есть характеристическій признакъ, нераздѣльный, отъ бытія

предметъ, но дополняющій это бытіе, потому-что даетъ ему звуковую форму.

Можетъ быть, я утомилъ васъ, останавливаясь слишкомъ долго на этомъ разборѣ, но онъ существенъ и необходимъ; безъ него различіе между знаніемъ и творчествомъ есть различіе неосмысленное, и этотъ разборъ потому нѣсколько затруднителенъ, что онъ относится къ *наукѣ*, именно въ психологіи. Всякое знаніе требуетъ строгаго вниманія, чтобъ быть точнымъ и опредѣленнымъ. Но за то, я полагаю, что предъидущій разборъ далъ намъ опредѣлительный результатъ. *Знаніе уменьшаетъ бытіе предмета*, уменьшаетъ число признаковъ въ томъ, что узнается, переходитъ отъ реальнаго къ отвлеченному, отъ формы единичнаго предмета къ существеннымъ признакамъ представленія предмета, *творчество увеличиваетъ бытіе того, на что оно обращено*: оно прибавляетъ реальный признакъ къ представленію въ насъ существующему, къ состоянію духа, которымъ мы проникнуты; оно вводитъ въ міръ реальный то, что принадлежало только нашему внутреннему міру; оно даетъ единичное обособляющее бытіе тому, что было обще; *оно облекаетъ все*, проходящее чрезъ наше сознаніе, *въ формы*.

Творчество есть процессъ образованія формъ. Форма является его существенною принадлежностью. Тамъ, гдѣ наша мысль, чувство, рѣшимость находятъ себѣ форму, тамъ присутствуетъ творчество.

Мы открыли особенности этого процесса въ простѣйшихъ явленіяхъ творчества. Повѣримъ ихъ въ болѣе сложномъ случаѣ, гдѣ мы признаемъ творчество неоспоримымъ—въ искусствѣ, въ фантазіи художника.

Многіе отвергаютъ теорію искусствъ, отожествляя ее съ ихъ исторіею. Эстетика, какъ особенная наука, не имѣетъ для многихъ смысла. «Что нравится одному, то не нравится другому», говорятъ они. Имъ можно возразить, что самыя ощутительныя истины науки не всегда схватываются необразованными умами. Надо развить въ себѣ мышленіе, чтобъ отличить вѣроятнѣйшее отъ наименѣе вѣроятнаго, чтобъ наши желанія и предразсудки не имѣли вліянія на наши сужденія о пред-

метахъ. Это еще въ большей мѣрѣ относится къ прекрасному. Развейте въ себѣ вкусъ, пониманіе красоты, устраните личные расположенія и непріязни, жизненныя цѣли, разсчеты и стремленія: вѣроятно, ваши сужденія о красотѣ не будутъ такъ различны, какъ теперь. Впрочемъ, я не имѣю ни времени, ни желанія вдаваться здѣсь въ разборъ теоріи прекраснаго. Впечатлѣнія прекраснаго *существуютъ*. Сравните ихъ, разберите ихъ, выдѣлите то, что къ нимъ примѣшивается изъ другихъ областей—и *факты*, вами полученные, будутъ *фактами эстетики*.

Не вдаваясь въ полемику можно, кажется, принять что стройная форма и патетическое дѣйствіе художественнаго произведенія суть два элемента, въ которыхъ проявляется его достоинство. Какъ ни священны намъ изображенія, начертанныя живописцемъ, но если ихъ форма уродлива, то искусство ихъ не признаетъ. Какъ ни благородны, какъ ни современны мысли, высказанныя стихотворцемъ, но если онъ пишетъ деревянными стихами, если онъ не уловилъ стройной формы, онъ никогда поэтомъ не будетъ. Объ этихъ стихотворцахъ, сильныхъ въ *жизненныхъ* вопросахъ, но слабыхъ въ формѣ, можно повторить слова Буало: «это такой прекрасный человѣкъ; зачѣмъ онъ не пишетъ прозою?» Чтобъ убѣдиться что форма есть существенное, необходимое условіе наслажденія искусствомъ, кажется, довольно противопоставить произведеніе, облеченное въ прекрасную форму, но чуждое всѣмъ жизненнымъ, затрогивающимъ вопросамъ, другому, которое проникнуто живою мыслію, но отличается пренебреженіемъ формы. Разница бросается въ глаза даже въ поэзіи, гдѣ споры о формѣ и содержаніи бываютъ самые упорные. Я попробую для этого взять примѣры, выбирая, конечно, съ одной стороны, произведенія, слабыя формою, съ другой, произведенія, чуждыя совершенно всякому *живому* вопросу.

Противопоставимъ сначала два отрывка:

Тѣнь несозданныхъ созданій
Колыхается во снѣ
Словно лопасти латаній
На эмалевой стѣнѣ.

Фіолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ
Полусонно чертятъ звуки
Въ звонко-звучной тишинѣ.
И прозрачные кіоски
Въ звонко-звучной глубинѣ
Выростаютъ точно блестки
При лазоревой лунѣ.
Всходитъ мѣсяцъ обнаженный
При лазоревой лунѣ;
Звуки рѣютъ полусонно,
Звуки ластятся ко мнѣ...

Перейдемъ въ другую область:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой:
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать:
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Твои уста оторвала.... и т. д.

Конечно, мнѣ могутъ возразить, что я взялъ двухъ писателей, разстояніе между которыми слишкомъ неизмѣримо. Беру два другіе примѣра двухъ талантовъ, которые, по общему мнѣнію, не такъ уже далеко отстоятъ одинъ отъ другого. Опять выбираю нарочно изъ одного произведеніе, гдѣ онъ пренебрегъ формою, изъ другого стихотвореніе, безъ всякой претензіи на жизненный вопросъ.

Отрадно видѣть, что находитъ
Порой хандра и на глупца,
Что иногда въ морщины сводитъ
Черты и пошлаго лица
Бѣсъ благородный скуки тайной,
И на искривленныхъ губахъ
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что въ сердцахъ
И тѣхъ, чьихъ дѣлъ позорныхъ повѣсть
Пройдетъ лишь въ позднихъ племенахъ,
Не все же спитъ мертвецки совѣсть,
И, чуждый насъ, не дремлетъ страхъ . .
. . . . . .

Что лопнуть можешь ты обжора!
Что ты, великій человѣкъ,
Чьего презрительнаго взора
Не выносилъ никто во вѣкъ,
Ты лобъ, какъ говорится, мѣдный,
Къ кому всѣ завистью полны-
Дрожишь, какъ листъ на вѣткѣ бѣдной
Подъ башмакомъ своей жены.

Обращаюсь къ стихотворенію второго рода.

Тимпанъ и звуки флейтъ и пляски вакханалій,
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракѣ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди,
Лучь солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканфомъ и плющемъ власы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышетъ виноградъ на персяхъ у нея!
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! лишь слышно изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ, и пѣсни вакханалій....

Мнѣ кажется, довольно поставить эти произведенія рядомъ, чтобъ сказать: мы наслаждаемся *художественно эстетически* только послѣдними. Но, можетъ быть, найдутся люди, которые скажутъ; нѣтъ; намъ сочиненія перваго рода больше нравятся: въ нихъ больше мысли. Я спорить не стану, но прибавлю, что есть люди, которые охотнѣе лѣчатся у знахаря чѣмъ у доктора, скорѣе вѣруютъ во вращеніе столовъ, чѣмъ въ то, что можно узнать вѣсъ планетъ; есть даже люди, которые искренно находятъ патріархальныя отношенія нравственнѣе юридическихъ. Тѣмъ и другимъ можно сказать одно: будемте учиться, будемте развивать въ себѣ ту способность, помощью которой возможно судить о явленіи, на сколько оно вѣроятно, нравственно или прекрасно; а потомъ посмотримъ, кто съ кѣмъ согласится. При этомъ замѣтимъ еще, что споры о значеніи формы безпрестанно возобновляясь въ области

поэзіи, не имѣютъ вовсе мѣста въ пластическихъ искусствахъ, если не считать эстетическими судьями и тѣхъ, которые предпочитаютъ каррикатуру Кладдерадача головкѣ Греза.

Споры умолкаютъ большею частью и въ произведеніяхъ слова, когда мы перейдемъ къ высшей ступени художественнаго творчества—къ созданію *идеаловъ*. Когда дѣло доходитъ до личностей, въ которыхъ воплощается мысль художника, то всѣ сколько-нибудь образованные цѣнители приступаютъ къ нимъ съ однимъ требованіемъ; *онѣ должны жить*, то-есть, переводя это на болѣе сухую, но за то болѣе точную формулу, онѣ должны заключать въ себѣ всѣ существенные признаки реальныхъ личностей и не заключать признаковъ противорѣчивыхъ. Онѣ должны быть *стройны* во всѣхъ своихъ проявленіяхъ: *стройность* есть ихъ существенное и отличительное свойство. Самыя рѣзкія воплощенія современныхъ недостатковъ, или желаемыхъ добродѣтелей, если въ нихъ нѣтъ стройности, не находятъ себѣ оправданія въ глазахъ критиковъ.

Повторяю; *стройная форма есть существенное и необходимое условіе художественнаго творчества*. Она рисуется въ фантазіи художника, требуя неумолимо себѣ воплощенія; она есть *единственная цѣль* художника, если онъ въ самомъ дѣлѣ художникъ.

Но форма не есть *единственное* условіе художественнаго творчества. Если бы оно было такъ, то пластическія искусства перешли-бы къ геометріи, музыка ограничилась бы ученіемъ о гармоніи, и Гогартъ, говорившій о линіи наибольшой красоты, наибольшей прелести, указалъ-бы единственно вѣрный путь къ искусству. Но оно не такъ. Самая изящная геометрическая фигура, самое гармоническое сочетаніе звуковъ еще не *прекрасны*; они только *стройны*; они могутъ быть сами по себѣ цѣлью художника, могутъ удовлетворять его, какъ художника, могутъ быть оцѣнены равными ему художниками, какъ вполнѣ-удовлетворительные, они, какъ этюды, могутъ быть превосходными образцами для учениковъ —*и только*.

Въ нихъ не достаетъ *патетическаго* начала, которое одно, вливаясь въ *стройную* форму, дѣлаетъ ее *прекрасною*. Что такое мелодія? что такое лирическій порывъ? что такое

драмматизмъ? Это есть потрясающее *человѣческое* начало, выходящее изъ личности художника и передающееся помощью его произведенія массѣ зрителей и слушателей. Художникъ преслѣдуетъ форму—и *только* форму; но онъ человѣкъ: онъ знаетъ, вѣритъ, чувствуетъ, желаетъ; его внутренній міръ невольно и безсознательно соприсутствуетъ при его процессѣ творчества; и его стройная форма одушевляется его внутреннею жизнію. Эта форма есть не безличный результатъ безсознательной природы; она есть сознательное произведеніе художника-человѣка. Она потрясаетъ массу его братій-людей, на столько, на сколько въ ней есть *человѣческаго,* и ея стройность запечатлѣваетъ ее въ воображеніи поколѣній, сообщаетъ ей неизгладимое существованіе среди общества, дѣлаетъ ее двигателемъ этого общества, чего она никогда не достигла бы, оставаясь только патетическимъ выраженіемъ. Антигона, леди Макбетъ, Гретхенъ, Одиссей, Гамлетъ, Пименъ живутъ среди насъ, преслѣдуютъ насъ постоянно, входя въ нашу жизнь, дѣлаясь болѣе дѣйствительными, чѣмъ многіе изъ нашихъ знакомыхъ, которыхъ мы помнимъ лишь тогда, когда они составляютъ реальный предметъ нашего наблюденія.

Въ 60-хъ годахъ годахъ шли въ обществѣ безконечные и упорные споры о «Наканунѣ» нашего даровитаго повѣствователя. Около насъ безпрестанно повторяются жизненныя событія, которыя могли-бы вызвать столь же рѣзкую разницу въ оцѣнкѣ, какъ и отношенія Елены къ Инсарову; между-тѣмъ общество останавливается на нихъ недолго; споры скоро прекращаются и начало снисхожденія или равнодушія несравненно удобнѣе принимается мыслью слушателей въ разсматриваемомъ случаѣ, чѣмъ въ литературномъ спорѣ. Отчего это? Очень просто. Герои и героини разныхъ исторій, въ самомъ дѣлѣ совершающихся, очень скоро старѣются и сходятъ со сцены. Мы знаемъ, что нѣтъ событій въ собственной жизни, на которое, лѣтъ черезъ десять не взглянетъ человѣкъ «съ другой стороны горизонта» по выраженію Гюго. Нѣтъ преступленія, котораго нельзя было-бы *зажить*, нѣтъ врага, съ которымъ бы нельзя было черезъ нѣсколько лѣтъ примириться, если самолюбіе наше этому не мѣшаетъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и мы будемъ дру-

гіе, и тѣ, о которыхъ идетъ дѣло, подъ тѣми-же именами, подъ схожею формою, но будутъ болѣе или менѣе *другіе* люди, Это неизбѣжное увлеченіе всѣхъ событій нашей жизни въ невозвратимое прошедшее дѣлаетъ насъ снисходительными или равнодушными ко всему, совершающемуся въ жизни, конечно, если нашъ интересъ не затронутъ. Но другое дѣло вѣчно-живые образы искусства: они не умираютъ, не старѣются, не измѣняются; они переживутъ насъ и дѣтей нашихъ, передъ глазами вашей внучки возстанетъ образъ Елены съ ея неувядающей юностью и пойдетъ она въ часовню ждать Инсарова, и забьется сильнѣе очарованное сердце молодой читательницы на зло всѣмъ пуританамъ и пуританкамъ ложной нравственности. Эта стройная живучесть художественныхъ идеаловъ, это повтореніе все той-же незабвенной исторіи ихъ заставляетъ насъ съ ожесточеніемъ спорить *за* эти идеалы или *противъ* ихъ. Мы споримъ здѣсь о безсмертныхъ личностяхъ.

Итакъ, въ этихъ идеалахъ свободнаго искусства, въ этихъ высшихъ результатахъ творчества чистое искусство требуетъ одной формы, но неудержимая сила жизни, чрезъ посредство личности, создающей формы, вноситъ въ нихъ содержаніе и потрясаетъ массы помощью этого содержанія. Мы до сихъ поръ говорили о творчествѣ сознательномъ и свободномъ, но намъ стоитъ сдѣлать два шага, чтобъ перейти въ другую область, тѣсно соприкасающуюся съ первой. Эта область, съ одной стороны, стѣсняетъ мало-по малу свободу художника, предписывая ему *свои* идеалы, а съ другой, она сливается, какъ мы уже говорили, съ первоначальнымъ безсознательнымъ творчествомъ, и потому носитъ на всемъ своемъ протяженіи слѣды неполнаго сознанія. Вы, уже догадались, что я говорю объ области миѳологіи, о томъ пестромъ царствѣ, гдѣ произошли первыя метафоры народнаго языка, повѣрья и предразсудки, наполняющіе жизнь простонародья и отъ которыхъ мы далеко еще не избавились вполнѣ—о царствѣ, гдѣ живутъ сѣрый волкъ и баба-яга, гномы и феи, которые такъ знакомы дѣтямъ, наконецъ, о царствѣ, гдѣ высится ареопагъ образовъ, предъ которыми падали ницъ народы—о царствѣ Зевеса,

Аримана, Тора, у алтаря которыхъ молилось человѣчество своему желанію справедливости, своей страсти къ красотѣ, своей жаждѣ истины, своему страху неизвѣстнаго будущаго Эти миѳологическіе гиганты, воплощеніе исторіи человѣчества, такъ близко подходятъ къ свободнымъ идеаламъ искусства, что, трудно сказать, принадлежатъ ли Аѳина, Фидія и Мадонны Рафаэля болѣе къ области религіознаго творчества, чѣмъ къ независимымъ идеаламъ художника; но, восходя къ ихъ источникамъ, къ ихъ постепенному развитію въ мысли человѣчества, мы замѣтимъ, какъ эти цѣльные образы стушевываются, теряютъ свою личность, разлагаются на отдѣльныя отвлеченныя черты и наконецъ обращаются въ рядъ вопросовъ практической жизни или точной науки.

Возьмемъ для примѣра, три черты изъ образа главы Асовъ, Одина. — На концѣ неба стоитъ серебряная зала; въ ней сидитъ на высокомъ тронѣ отецъ вселенной, Одинъ, съ своей супругой Фриггой, и какъ лишь онъ сядетъ на этотъ тронъ, то видитъ все, что дѣлается въ мірѣ, знаетъ все сущее.—Въ небесной высотѣ стоитъ замокъ Асовъ, полный дворцовъ; въ главномъ изъ нихъ, имя котораго есть «міръ радости», въ залѣ съ 540 дверями, пируютъ «единственные» воины въ кругу Асовъ, кушаютъ мясо неистощимаго кабана, медъ подносимый Валькиріями, а около залы вѣчно шумитъ потокъ, гдѣ копья замѣняютъ рыбъ. На высокомъ тронѣ сидитъ Одинъ, смотря на пирующихъ, кормитъ двухъ волковъ мясомъ, которое ему подаютъ, и пьетъ только вино. На его плечахъ сидятъ два ворона, которые приносятъ ему вѣсти изъ міра.—Но отецъ вселенной, предводитель храбрыхъ, Одинъ, есть въ то-же время, источникъ мудрости и поэзіи. Драгоцѣнный медъ въ трехъ бочкахъ заключаетъ ее въ себѣ; его спряталъ гигантъ въ каменную гору, и на стражу помѣстилъ надъ нимъ свою прекрасную дочь. Одинъ поступилъ въ услуженіе къ брату гиганта, научилъ его просверлить гору буравомъ, въ видѣ червя проскользнулъ внутрь ея, и въ своей неподражаемой красотѣ предсталъ предъ заключенною въ горѣ дочерью гиганта. Она обняла его своими бѣлыми руками и три дня соединяла ихъ взаимная страсть. Наконецъ красавица-гигантша дозволила

своему любовнику выпить три глотка драгоцѣннаго меда, и онъ выпилъ въ три глотка всѣ три бочки, въ видѣ орла улетѣлъ въ жилище Асовъ и передалъ этотъ медъ мудрецамъ и поэтамъ міра.

Съ перваго взгляда это—сказка—и только. Скоро мы въ этой сказкѣ видимъ идеалъ *знанія* человѣческаго, обращающагося во *всезнаніе* отца вселенной, идеалъ воинственныхъ викинговъ сѣвера, высокое понятіе о мудрости и поэзіи, источникъ которыхъ человѣкъ помѣстилъ внѣ міра, въ религіозныя сферы. Наконецъ, поэзія является здѣсь—какъ результатъ страстнаго вдохновенія и механическаго труда слуги. Жизненный вопросъ: въ чемъ состоитъ достоинство человѣка? находитъ здѣсь себѣ отвѣтъ въ формѣ религіознаго идеала. Мудрость, храбрость и поэтическій даръ—слѣдствіе любви и труда, совокупляются въ высокой формѣ Одина.

Но анализъ миѳологовъ пошелъ далѣе. Одинъ выросъ изъ обще-германскаго Водана, одно изъ преобразованій котораго составляетъ проклятый охотникъ, вѣчно-носящійся по ночамъ со стаями собакъ и съ гурьбою товарищей надъ вершинами Гарца, Въ Одинѣ, смотрящемъ на міръ, изслѣдователь узнаетъ солнце. Одинъ несется съ викингами въ шумѣ бури. Гора, хранящая медъ, это—облако, пробуравливаемое молніею и хранящее въ себѣ дождь. Вихрь, который гонитъ тучи это—Воданъ, или проклятый охотникъ съ его вѣчнымъ гиканьемъ. Ликъ Одина распиливается въ солнце, облако, вихрь, бурю, дождь.... Что-жъ это? придуманныя аллегоріи? предшественники тѣхъ холодныхъ притчъ, которыми угощаютъ насъ современные авторы поучительныхъ разсказовъ? Нѣтъ, ничего придуманнаго не было въ народныхъ религіяхъ. Это была *первая наука.*

Да, вопросы науки такъ-же древни, какъ человѣческая мысль. Метеорологическія и астрономическія явленія растительнаго, явленія и животнаго міра, нравственные вопросы о человѣческомъ достоинствѣ предстали предъ человѣкомъ, какъ только онъ выработался изъ животнаго. Почему? откуда? какъ это все совершается? это спрашивали наши праотцы, какъ спрашиваютъ едва-лепечущія дѣти, какъ спрашиваютъ себя

ученые въ своихъ неутомимыхъ разъисканіяхъ. Шагъ за шагомъ подвигается знаніе фактовъ; но много надо накопившагося знанія, чтобъ отличить случайное предположеніе отъ вѣроятнаго, обдуманнаго и, наконецъ, отъ результата, къ которому неудержимо приводитъ сближеніе большого числа фактовъ. Въ безвѣстной личности, которая впервые создала какую либо подробность древняго миѳа, и въ ученомъ, проповѣдующемъ о сохраненіи силъ въ природѣ, дѣйствуетъ одно и то-же побужденіе: стремленіе самымъ удовлетворительнымъ образомъ отвѣтить на вопросы науки и жизни. И дѣятельность, удовлетворяющая этому стремленію, въ обоихъ одна и та-же—научное творчество.

Творчество рождаетъ формы, единство въ разнообразіи, цѣлость изъ раздѣльности. При значительномъ числѣ фактовъ, оно, вопервыхъ, изъ тожественныхъ фактовъ создаетъ *общій фактъ*, затѣмъ, изъ однородныхъ фактовъ создаетъ *законъ*, близкіе факты связываетъ *гипотезою*. Группы фактовъ, совокупленныхъ въ законы и сближенныхъ гипотезами, оно подчиняетъ опредѣленной зависимости, послѣдовательности, по простотѣ и сложности явленій и гипотезъ. Это все составляетъ систематическое цѣлое—*науку*. Наконецъ, науки точно такъ же группируются въ одно энциклопедическое цѣлое помощью *систематики наукъ*. Это простѣйшее и самое правомѣрное проявленіе творчества въ наукѣ—*научное построеніе*. Точно такъ-же поступали создатели миѳологіи. У нихъ свѣдѣній было мало, и эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія, не были раздѣлены между собою. Заключенія дѣлались отъ одной области знанія къ другой. Древній грекъ или скандинавъ не различалъ между метеорологическими и астрономическими явленіями; онъ сознавалъ, что онъ какъ человѣкъ, можетъ двигаться, ставить себѣ цѣли—и движется, дѣйствуетъ сообразно этимъ цѣлямъ. Онъ переносилъ понятіе о цѣли, о человѣческихъ желаніяхъ, побужденіяхъ внѣ себя—въ природу. Облака, лѣса, волны сердились и радовались, боялись и угрожались просили и отвѣчали. Человѣкъ чувствовалъ, что его знанія весьма ограничены, что ему трудно защититься отъ тысячи опасностей, пріобрѣсти себѣ

желаемое благо, явилось предположеніе, что предметы природы знаютъ и могутъ болѣе его. Все сдѣлалось оракуломъ, отвѣчающимъ на вопросы, дающимъ знаменіе; сдѣлалось амулетомъ сохраняющимъ отъ бѣдствій и приносящимъ желаемыя блага. Симпатическое леченіе, вѣра въ предзнаменованіе и предчувствіе дѣлаетъ и теперь весьма-многихъ изъ насъ современниками, по развитію, этого доисторическаго періода человѣчества.

Невидимое давленіе вихря съ его разрушительными слѣдствіями, тѣсно-связанное со всѣми явленіями внѣшняго міра, сильно поразило умы первобытнаго человѣчества, какъ доказываетъ языкознаніе, тѣмъ болѣе, что съ явленіями вихря человѣкъ сблизилъ физіологическій фактъ присутствія дыханія, въ живомъ человѣкѣ и отсутствія въ мертвомъ. Какой-нибудь тогдашній мыслитель высказалъ весьма вѣроятную для того времени догадку, всѣми принятую и быстро усвоенную, что въ атмосферѣ пребываютъ невидимыя существа, проявляющіяся въ вѣтрѣ и преслѣдующія тучи, руководящія планетами, однородныя съ тѣмъ, что дышетъ въ человѣкѣ и что оставляетъ человѣка съ прекращеніемъ дыханія. Духи и души умершихъ наполнили атмосферу, вошли въ народныя повѣрья, потребовали тризнъ, жертвъ. Праотцы окружили потомковъ своими заботами, сдѣлались предметами поклоненія родичей. Невидимыя существа, которымъ давно уже были усвоены человѣческія страсти, облеклись человѣческою формою. Человѣческія, семейныя, родовыя, гражданскія заботы, романы и драмы перенеслись въ міръ невидимыхъ правителей земли. Воданъ полетѣлъ, завывая надъ землею въ зимнія ночи. Увяданіе и оживленіе природы сдѣлалось исторіей Адониса и Озириса. Желаніе человѣка связало этотъ невидимый міръ съ человѣческими требованіями, съ человѣческою жизнію, и Аѳина стала руководительницею героевъ Эллады, Афродита вступила въ бой на стѣнахъ Иліона, Одинъ занялся воспитаніемъ викинговъ, Вишну воплотился въ рыбу, въ героя Кришну для блага человѣка. Начиная съ сѣверныхъ рунъ до Корана, всѣ религіозныя ученія, созданныя человѣкомъ, были для него откровеніями свыше.

Время шло. Факты знанія умножались, и это очеловѣченіе всего сущаго, эти міріады невидимыхъ существъ, всюду дѣйствующихъ, показались слишкомъ—сложнымъ предположеніемъ нѣсколькимъ мыслителямъ. Гипотезѣ противодѣйствовали количественно, уменьшая число предполагаемыхъ существъ, и качественно, исключая ихъ изъ построенія, дѣлая ихъ ненужными. Явились другія гипотезы безъ всякой связи съ народными преданіями, гипотезы, высиженныя въ уединенномъ размышленіи, безличные *метафизическіе* миоы—достояніе философскихъ школъ.

Я желалъ-бы показать вамъ и въ этой области подобное явленіе, какъ въ предъидущей: жизненные и научные вопросы, преобразованные въ метафизическіе миоы точно такъ-же, какъ прежде, они воплощались въ религіозные идеалы. Я думалъ это сдѣлать для *идей* Платона и Гегеля, для *потенцій* Шеллинга, для *вещества* матеріалистовъ, но время не дозволяетъ мнѣ развить этого вопроса, и потому я могу только упомянуть о метафизическихъ миоахъ, повторяя, что надлежащій анализъ въ нихъ открылъ-бы то-же существенное содержаніе, какъ въ научномъ построеніи и въ религіозныхъ идеалахъ: вопросы жизни и знанія. (*)

Соберемъ, результаты нашего обзора различныхъ областей творчества. *Звукъ* и *движеніе*, *слово* и *знакъ*, это были первоначальные результаты его. Затѣмъ имѣли двѣ вѣтви: *искусство*, патетическое воплощеніе личности художника въ стройную форму, и *научное творчество* въ трехъ его видахъ, какъ *народныя вѣрованія*, переходящія въ эстетическіе религіозные идеалы, какъ рядъ упрощающихся *метафизическихъ миѳовъ*, наконецъ, какъ *научное построеніе*, переходящее сознательно отъ фактовъ къ вѣроятнѣйшему закону, къ простѣйшей гипотезѣ, къ понятнѣйшей систематикѣ.

Во всѣхъ этихъ процессахъ замѣчательно постоянное появленіе новыхъ формъ, которыя именно представляютъ

(*) Я постараюсь въ непродолжительномъ времени развить этотъ важный психологическій вопросъ печатно.

оригинальность, самостоятельность творчества. Необходимость ихъ есть слѣдствіе наростанія знанія, но, при появленіи новыхъ фактовъ въ присутствіи старыхъ формъ, возможны два процесса: или мы припоровливаемъ старую форму къ новому факту, или, не удовлетворяясь старою формою, ищемъ новую. Въ первомъ случаѣ мы слѣдуемъ *рутинѣ*. Тогда для новаго понятія употребляемъ старое слово, старый знакъ, что порождаетъ двусмысленность. Тогда художникъ не рѣшается воплотить всей своей внутренней жизни въ прекрасную форму, потому что надъ нимъ тяготѣетъ узкое преданіе, которому онъ болѣе не вѣритъ, но отъ котораго не смѣетъ отступиться. Мы имѣемъ научную теорію, гдѣ терминологія заимствована изъ періода уже прошедшаго, и постоянно не согласна съ фактами, къ которымъ она отнесена; мы имѣемъ систематику, посящую на себѣ болѣе слѣдовъ исторіи науки, чѣмъ современнаго ея состоянія. Всему этому можно привести поразительные примѣры; но спѣшу кончить, такъ какъ чувствую, что и безъ того слишкомъ продолжилъ бесѣду. Здѣсь вездѣ преданіе и рутина стѣсняютъ дѣятельность безсознательнаго или сознательнаго творчества, дѣятельность художника или мыслителя. Человѣкъ можетъ повторять лишь установленные идеалы, установленныя схемы, видоизмѣняя ихъ въ мелкихъ подробностяхъ, отдѣлывая ихъ, какъ формы, но не можетъ пересоздать ихъ. Онъ въ томъ-же положеніи, какъ ученый, заваленный грудами фактовъ знанія, но не рѣшающійся или неспособный группировать ихъ въ законъ, въ теоріи, въ науку. Первый преклоняется предъ *формою* и не въ состояніи ее оживить новымъ элементомъ *знанія*; второй преклоняется предъ фактами и не въ состояніи ихъ оживить новымъ элементомъ *творчества*.

Истинный художникъ вноситъ смѣло свое патетическое состояніе въ форму, предъ нимъ носящуюся; литераторъ создаетъ новое слово для новой мысли; мыслитель создаетъ, если нужно, новую космогонію, новую метафизику; ученый создаетъ новую систематику. Замѣтьте: *если нужно*. Тутъ дѣло лишь въ томъ, что человѣкъ относится къ существующимъ формамъ искусства или научнаго творчества, не какъ идолопоклонникъ къ своему кумиру, но какъ свободно-развиваю-

щаяся личность къ продуктамъ и средствамъ своего развитія. Онъ ихъ обсуживаетъ и подвергаетъ ихъ *критикѣ* во имя знанія. Эта критика не есть творчество, но она дополняетъ творчество, доставляя ему жизнь и развитіе; она есть *философія въ творчествѣ*. Художникъ и мыслитель *на столько* философъ въ своихъ созданіяхъ, на сколько онъ критически относится къ существующимъ формамъ творчества, какъ чужимъ, такъ и своимъ собственнымъ. *Постоянное внесеніе всего своего знанія, всего своего бытія въ свои созданія, это есть условіе философіи въ творчествѣ.* Безъ нея всюду рутина и неподвижность; она представляетъ вѣчную *борьбу съ созданнымъ во имя создающагося*. И тогда, когда мы принимаемъ уже существующія формы, мы ихъ принимаемъ во имя критики, послѣ борьбы съ ними, признавъ ихъ удовлетворительными, но признавъ за собою право отыскать новыя формы въ случаѣ нужды. Какъ бы ни былъ привлекателенъ кумиръ, если онъ кумиръ, то онъ вреденъ и долженъ быть разрушенъ. Все *заслуживаетъ* уваженія лишь настолько, насколько сознано *послѣ критики*, какъ *достойное* уваженія. Знаменитый Бэконъ, котораго философія легла въ основаніе естествознанія, въ первой же книгѣ своего знаменитаго „Новаго Органона“ показываетъ вредъ, приносимый призраками (идолами) развитію человѣчества. Борьбу съ ними онъ считаетъ обязанностію; но въ другомъ мѣстѣ сознаетъ, что для этого нѣтъ правила, но требуется лишь общая осторожность ума. Это именно есть требованіе всегдашней неумолимой критики.

Я спѣшу кончить. Творчество въ знаніи дало философію знанія. Знаніе въ творчествѣ, критика, есть философія въ творчествѣ. Борьба съ созданнымъ во имя создающагося есть ея проявленіе, условіе развитія,—условіе жизни, осмысленіе процесса послѣдней. *Жизнь*—вотъ слово, къ которому мы пришли, требуя отъ стройной формы патетическаго дѣйствія, требуя отъ научнаго творчества развитія. *Жизнь* есть новая область, требованія которой обусловливаютъ творчество, даютъ начало новымъ человѣческимъ явленіямъ, и въ этой области слово *философія* опять измѣняетъ свое значеніе. Это и составитъ предметъ нашей послѣдней бесѣды.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Что такое философія въ жизни?

Обзоръ предъидущей бесѣды.—Сходство между творчествомъ и жизнію.—Различіе.—Идеальное *я*.—Развитіе идеала человѣческаго достоинства.—Наслаждайся! и видоизмѣненіе этого правила.—Критика и рѣшимость.—Убѣжденіе.—Справедливость.—Братство.—Общество, какъ оно есть, и страданіе.—Частные идеалы: семейные, экономическіе, гражданскіе, духовные.—Философія въ жизни: человѣчность, различеніе идеаловъ, практическая мудрость.—Отношеніе ученаго и художника къ жизненнымъ вопросамъ.—Философія исторіи.—Человѣкъ, какъ результатъ и какъ начало.—Философія вообще.—Наука о человѣкѣ.—

Въ послѣдней нашей бесѣдѣ мы обозрѣли различныя отдѣлы области творчества; мы видѣли, что она обнимаетъ чрезвычайное разнообразіе проявленій, и до многихъ частей этой области намъ время дозволило только едва коснуться. Мы видѣли вездѣ сознательное или безсознательное стремленіе къ стройной формѣ, но въ то же время видѣли философское начало творчества въ оживленіи созданной формы содержаніемъ. Это содержаніе входило въ форму во многихъ случаяхъ безсознательно, но оно-то доставляло начальнымъ проявленіямъ формы ихъ силу, произведеніямъ искусства патетизмъ, идеаламъ художественнаго и религіознаго творчества ихъ вліяніе на общество. Философскій элементъ творчества, свободное отношеніе къ существующимъ формамъ творчества и свободное воплощеніе новаго содержанія въ новыя формы, дѣлали изъ искусства, изъ религіозныхъ и метафизическихъ созданій не принадлежность небольшого числа исключительныхъ личностей—художниковъ, мыслителей, пророковъ, но достояніе всего человѣчества.

Начиная сегодняшнюю нашу бесѣду, мы можемъ еще считать себя въ той же области. Слово творчество еще могло бы быть примѣнено и къ явленіямъ, которыя намъ предстоитъ разсмотрѣть. Мы встрѣтимъ много схожаго съ предъидущимъ, но встрѣтимъ и значительную разницу. Если въ звукѣ голоса и движеніи, въ словѣ и знакѣ человѣкъ воплощаетъ свое чувство, или свою мысль, если художникъ воплощаетъ себя

въ своихъ идеалахъ, ученый свое знаніе въ научной гипотезѣ, мыслитель въ метафизической системѣ, то не съ бо́льшимъ ли правомъ можно сказать, что каждый изъ насъ воплощаетъ всего себя въ своихъ дѣйствіяхъ. Точно также, какъ всѣ процессы творчества прибавляли реальный признакъ къ тому, что заключалось въ внутреннемъ мірѣ человѣка, такъ и дѣйствія человѣка прибавляютъ къ послѣднему признакъ совершенія. Точно также, какъ въ первомъ случаѣ, что-либо изъ міра сознанія переходило въ реальный міръ, такъ и здѣсь: дѣйствія, разъ совершенныя, являются неизгладимыми и неотрицаемыми событіями внѣшняго міра, которыя тяготѣютъ надъ будущностью человѣка своими послѣдствіями, своими вліяніемъ, и въ каждую эпоху жизни, противопоставляютъ его теперешнему *я* другое *я*, которое въ то же время и онъ и не онъ. Этотъ двойникъ преслѣдуетъ человѣка своими разсказами о дѣйствіяхъ былаго; послѣдній хотѣлъ бы иное стереть, забыть, но этого нельзя. Онъ хотѣлъ бы возвратиться къ другимъ событіямъ, повторить ихъ—и этого онъ не въ силахъ сдѣлать. Въ этомъ отношеніи творчество, о которомъ мы говорили въ нашей послѣдней бесѣдѣ, и жизненная дѣятельность такъ близки, что не разъ въ разныя времена мыслители повторяли выраженіе: *искусство жизни*, какъ бы дополняя и завершая имъ эстетику, теорію художественнаго творчества.

Но различіе между двумя областями, о которыхъ говоримъ, тоже не маловажно. Оно относится къ самому существенному признаку. Форма была главнымъ центромъ творческой дѣятельности, но *она-то* именно отсутствуетъ въ дѣятельности жизни. Послѣдняя, представляя безпрестанное измѣненіе формъ, не имѣетъ сама опредѣленности, замкнутости. Она есть только *процессъ*. Напротивъ, въ творчествѣ имѣемъ въ каждое мгновеніе нѣчто замкнутое; даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ драмѣ, въ симфоніи, время есть существенное условіе произведенія. Я беру примѣры изъ искусства, потому-что они доступнѣе и представляютъ особенности творчества въ болѣе-чистомъ видѣ.—Вы видѣли драму; вы ее припоминаете: въ вашемъ воображеніи рисуется рядъ моментовъ, смотря по вашей па-

мяти, болѣе или менѣе сближенныхъ, но все таки отдѣльныхъ. Вы можете остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ нихъ видѣть главные, исходящіе пункты цѣлаго. Эти пункты существенны. Теченіе драмы, ихъ связывающее, болѣе или менѣе случайно и представляетъ нѣчто второстепенное.—Нѣчто подобное замѣтимъ и въ самомъ процессѣ художественнаго творчества, и я говорю здѣсь не только о пластическомъ художникѣ; когда онъ создаетъ, ему представляется сначала одинъ, два—три момента его произведенія; вдумываясь въ нихъ, онъ ихъ развиваетъ, сближаетъ, дополняетъ, иногда встрѣчаетъ другіе, еще болѣе характеристичные моменты, но для насъ важно это начало съ отдѣльныхъ, обособленныхъ формъ. Самый же процессъ драмы, цѣлое въ симфоніи, басня повѣсти есть результатъ, который могъ бы измѣниться при небольшомъ измѣненіи обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ на художника.—Повторяю: въ творчествѣ отдѣльныя частности въ своей стройной формѣ составляютъ главное, существенное.

Не такъ въ жизни. Не драматическія обстоятельства ея, не характеристическія событія опредѣляютъ нравственное достоинство человѣка; не особенная форма словъ, не отдѣльные моменты жизни составляютъ въ его нравственномъ идеалѣ существенное, но содержаніе жизни, общее впечатлѣніе ея процесса; не форма, а то, что въ ней выразилось, *не стройность*, а *доблесть* дѣйствія. Частности могутъ быть тѣ или другія. Личность можетъ быть брошена на поле битвы, на форумъ, въ народное совѣщаніе, на кафедру проповѣдника: нравственное ея значеніе отъ этого не измѣняется. Гражданскіе герои—или слабодушныя ничтожества встрѣчаются повсюду, и одинъ и тотъ же нравственный приговоръ поражаетъ ихъ независимо отъ формы ихъ проявленія. Изъ цѣлаго процесса жизни, изъ совокупленія особенностей, часто стушевавшихся, составляется общее впечатлѣніе значенія жизни. Форма *жизненной* дѣятельности *дается* человѣку извнѣ и отъ него зависитъ лишь въ незначительной степени; онъ въ ея рамкѣ *развиваетъ* свою нравственную личность. Форма *творческой* дѣятельности *создается* человѣкомъ и онъ

въ каждый моментъ вноситъ въ нее свое *готовое* нравственное содержаніе.

Оттого живучесть художественныхъ идеаловъ далеко превосходитъ живучесть историческихъ личностей. О первыхъ мы уже говорили прошлый разъ; что касается вторыхъ, то онѣ для насъ долго остаются нравственными отвлеченностями, или загадочными орудіями различныхъ событій, пока *художникъ-историкъ* сольетъ отдѣльныя черты ихъ жизни въ одинъ стройный типъ, создастъ изъ нихъ одинъ научно художественный идеалъ, который уже въ *этомъ* видѣ врѣзывается въ память потомства.

Поэтому жизнь, какъ воплощеніе въ *процессѣ дѣйствія* нравственнаго содержанія, существенно разнится отъ творчества—воплощенія его въ *формы*. Въ послѣднемъ случаѣ *форма, результатъ процесса, есть самая цѣль*. Въ первомъ, *цѣль находится внѣ процесса*, внѣ воплощенія; онъ въ каждое мгновеніе есть только переходное случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполнѣ, что составляетъ высшее, существенное, относительно-неизмѣнное въ человѣкѣ—для его *нравственнаго идеала*.

Слово идеалъ имѣетъ здѣсь совершенно другое значеніе, чѣмъ въ искусствѣ или въ религіозномъ творчествѣ. Тамъ это—живыя личности, охарактеризованныя нѣсколькими подробностями, врѣзывающимися въ воображеніе. Чтобъ уяснить себѣ, что такое идеалы въ жизни, прослѣдимъ ихъ происхожденіе.

Желаніе—источникъ знанія, источникъ творчества—есть тоже источникъ жизненной дѣятельности, развитія. Еслибъ я не желалъ, я бы не дѣйствовалъ; существуетъ даже болѣзненное состояніе—апатея, которое представляетъ развитію ребенка въ человѣка самое большое препятствіе. Еслибъ желаніе ограничивалось мгновеніемъ и не оставляло слѣдовъ въ нашемъ воображеніи, послѣ своего удовлетворенія или неудовлетворенія, то жизнь была бы непрерывнымъ рядомъ радостей и страданій, безъ всякаго развитія. Но элементъ творчества, внѣшнія проявленія котораго составили предметъ нашей послѣдней бесѣды, даетъ внутреннюю цѣлость группѣ,

нашихъ желаній. Онѣ являются не отдѣльными, мгновенными побужденіями, не отвлеченными идеями, но *желаемыми состояніями духа* нашего *я*. Предъ нами становится въ воображеніи другое *я*, отличное отъ нашего лишь тѣмъ, что въ немъ нѣтъ недостатковъ, которые мы въ себѣ сознаемъ; тѣмъ, что оно обладаетъ совершенствами, еще нами недостигнутыми. Это *я* есть *нравственный идеалъ*. Онъ отличается отъ идеаловъ художественнаго и религіознаго творчества, именно недостаткомъ полноты, недостаткомъ жизни, и эту жизнь онъ требуетъ отъ насъ; это дополненіе заключается въ нашихъ *дѣйствіяхъ*. Онъ требуетъ отъ насъ жизни безпрестанно, неуклонно, и мы знаемъ, что только своими дѣйствіями мы оживляемъ его. Но, вѣчно-воплощаемый въ нашу дѣятельность, онъ вѣчно удаляется отъ насъ, требуя новой и новой дѣятельности, требуя жертвъ и борьбы, осуждая нѣкорые наши поступки, превознося другія, обсуживая всѣ, и не давая намъ отдыха. Художникъ можетъ остановиться въ своемъ творчествѣ, отложить, обдумать дальнѣйшую дѣятельность; онъ не измѣняетъ искусству. Жизненный дѣятель не можетъ ни на минуту отвернуться отъ своего идеала, онъ не можетъ остановить процесса своего развитія. Кто на мгновеніе отвернулся отъ нравственнаго идеала, тотъ измѣнилъ ему, тотъ будетъ носить въ своей мысли сознаніе своего преступленія, своей порочности. Этотъ нравственный идеалъ есть наше *человѣческое достоинство*.

Весьма разнообразны понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и намъ нѣтъ никакой возможности обозрѣть ихъ пестрыя проявленія. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ. Наслажденіе есть цѣль желанія. То, что доставляетъ наслажденіе, есть для насъ благо и *въ насъ* самихъ составляетъ наше *достоинство*. Это самый грубый, самый элементарный взглядъ на жизнь. *Стремись пріобрѣсти то, что доставляетъ наслажденіе. Стремись развить въ себѣ способности, помощью которыхъ наслажденіе дѣлается вѣроятнѣе, продолжительнѣе.* Эти два правила представляютъ два оттѣнка, два чуть-замѣтныя измѣненія первоначальнаго взгляда.

Но идемъ далѣе. Чтобъ узнать, *что* вѣроятнѣе и продолжительнѣе, *изучай, обсуждай, давай себѣ время обдумать; сдерживай первый порывъ* своего желанія, чтобъ не предпочесть худшаго лучшему, мимолетнаго постоянному; *борись во имя лучшаго*, во имя постояннаго наслажденія съ мгновенными побужденіями, съ мгновенными вспышками желаній, страстей. Для успѣшной борьбы *привыкай концентрировать свою мысль на постоянномъ наслажденіи; пренебрегай низшими*, считай ихъ недостойными себя, потому-что они отвлекаютъ тебя отъ постояннаго стремленія къ высшему наслажденію, *къ высшему благу...* Мы едва измѣняли оттѣнки при каждомъ шагѣ, но какъ далеко наше послѣднее правило отъ перваго! И, между тѣмъ вы видѣли, что все послѣдующее вытекло изъ предъидущаго. Первое правило: *ищи то, чѣмъ наслаждаемся*, доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Послѣднее: *пренебрегай всѣмъ, кромѣ высшаго блага*, есть изреченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а какъ извѣстно, истинные аскеты—большая рѣдкость между людьми. Что жъ позволяетъ человѣку перейти отъ одного правила къ другому? Отчего этотъ останавливается на одной ступени нравственной лѣстницы, тотъ на другой? Отчего одинъ съ увлеченіемъ ребенка или дикаго гонится за мгновеннымъ наслажденіемъ, чтобъ завтра бранить себя, а послѣ-завтра повторять сегодняшнія дѣйствія? Отчего другой, проходя чрезъ всѣ истинно-человѣческія точки зрѣнія, вырабатываетъ въ себѣ односторонность, аскетизмъ?

Два начала представляются намъ здѣсь началами жизненнаго развитія; одно служитъ къ усовершенствованію жизненныхъ правилъ, другое къ ихъ дѣйствительному воплощенію. Первое представлялось уже намъ въ процессѣ творчества, какъ его оживляющій элементъ—это *критика ума*. Второе составляетъ существенную принадлежность жизни, ея основный элементъ. Это—*рѣшимость характера*.

Внѣ критики нѣтъ развитія; внѣ критики нѣтъ совершенствованія. Безъ критики всего окружающаго человѣкъ ни-

какъ бы не выработался изъ животнаго состоянія, переходилъ бы всю жизнь отъ одного мгновеннаго желанія къ другому, безъ плана, безъ послѣдовательности. Критика собственныхъ желаній, какъ критика *желаемаго* предмета и какъ критика *желательнаго* состоянія духа, позволяетъ человѣку построить іерархически свои побужденія и предметы, ихъ возбуждающіе, позволяетъ ему сказать: это лучше, а это хуже; слѣдовательно, при одновременной возможности обоихъ, первое—добро, а второе зло. Мы еще вернемся къ этому ниже.

Но критика ума недостаточна. Она есть только *знаніе*, только умственное личное развитіе. Чтобъ перейти въ міръ реальный, чтобъ сдѣлаться *жизнью*, она должна быть совокуплена съ рѣшимостью. Только тотъ, кто *рѣшается*, участвуетъ не какъ автоматъ, а какъ человѣкъ, въ процессѣ жизни. Хорошій критикъ существующаго—*умный* человѣкъ; но лишь тотъ, кто рѣшается дѣйствовать на основаніи своей критики—человѣкъ *нравственный*.

До-сихъ-поръ наше развитіе было нѣсколько-отвлеченно. Мы видѣли процессъ, но еще не обратили вниманіе на его содержаніе. Мы и не могли этого сдѣлать; мы до сихъ-поръ имѣли въ виду *одного* человѣка, *одну* личность. Мы смотрѣли только на то, что происходитъ въ этой самой личности при ея развитіи; но этотъ процессъ обусловливается *средою*, въ которой онъ совершается; эта среда доставляетъ ему опредѣленность; обратимъ на нее вниманіе.

Человѣкъ немыслимъ одинъ. Онъ находится подъ вліяніемъ другихъ людей, онъ окруженъ природою; онъ находится въ присутствіи своихъ религіозныхъ идеаловъ; изъ этой среды онъ получаетъ побужденія, которыя вырабатываются въ немъ въ нравственные идеалы, въ пониманіе своего достоинства. Въ отношеніи ко всему внѣшнему, человѣкъ является сильнѣйшимъ—владыкою, слабѣйшимъ—рабомъ, или равносильнымъ, способнымъ поперемѣнно властвовать и покоряться, по случайностямъ борьбы, исходъ которой остается неизвѣстенъ. Съ развитіемъ ума, человѣкъ сознаетъ себя владыкою природы, вообще говоря, равносильнымъ въ отношеніи другихъ людей, рабомъ своихъ религіозныхъ идеаловъ. Оставляя

въ сторонѣ первое и послѣднее отношеніе, обратимся ко второму.

Вѣчная борьба между людьми за наслажденіе жизнью длится въ продолженіи всей человѣческой исторіи, и такъ-же давно, какъ она длится, человѣкъ хочетъ ее оправдать предъ собою и другими, то есть онъ хочетъ найти теорію, которая бы соглашала его дѣйствія относительно другихъ съ его и желаніями дѣлала-бы изъ его жизненной дѣятельности стройное цѣлое въ его сознаніи. Нравственные идеалы явились продуктомъ этого стремленія къ соглашенію. Разъ созданные, они стали съ неотразимою убѣдительностью предъ человѣкомъ, требуя, чтобъ онъ ихъ воплотилъ въ жизнь. Они составили его *убѣжденіе*; они предписали ему *обязанность* предъ собою и облекли его *правомъ* поступать согласно убѣжденію, исполнять свою обязанность предъ ними.

Первый идеалъ человѣка, конечно, относился къ процессу, необходимому для жизни, для развитія. Мы видѣли, что критика ума и рѣшимость характера были существенными условіями развитія. *Право критики, обязанность рѣшимости* во всѣхъ случаяхъ жизни сдѣлались сущностью всякаго нравственнаго идеала. Каковы убѣжденія—это дѣло дальнѣйшаго анализа, дѣло развитія; но они должны *быть*: человѣкъ безъ убѣжденій—это нравственный уродъ, это вещь, за которою мы признаемъ только зоологическое достоинство всѣхъ единицъ рода—homo; человѣкъ безъ рѣшимости, это уродъ другого вида, который можетъ имѣть ученое и художественное достоинство, но не имѣетъ нравственнаго. Только тотъ нравственный человѣкъ, кто помощью самостоятельной критики составилъ себѣ болѣе или менѣе ясное убѣжденіе и рѣшается дѣйствовать согласно своему убѣжденію. Кто дѣйствуетъ *не внося* своего убѣжденія въ свои дѣйствія, тотъ *автоматъ*: онъ дѣйствуетъ *безнравственно*. Кто поступаетъ *противно* убѣжденію, тотъ *преступникъ*: онъ дѣйствуетъ *противунравственно*.

Убѣжденія вырабатываются помощью критики. Нравственная критика обращается внѣ насъ и внутри насъ. Ея дѣятельность внѣ насъ заключается въ опредѣленіи относи-

тельнаго достоинства предметовъ обсужденія. Внутри насъ она сравниваетъ наши побужденія съ идеаломъ нашего достоинства въ насъ присутствующимъ. Долгимъ историческимъ трудомъ человѣкъ дошелъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ до сознанія равноправности людей, но еще въ массу это убѣжденіе не проникло. Различіе достоинства людей, смотря по случайностямъ ихъ положенія—предразсудокъ, еще глубоко вкорененный въ человѣческомъ обществѣ, видоизмѣняющійся въ своихъ примѣненіяхъ, но до-сихъ-поръ не выдѣлимый изъ пониманія многихъ самыхъ прогрессивныхъ мыслителей. Какъ-бы то ни было, но критическое отношеніе къ чужому достоинству прибавило одну черту къ основному, нравственному идеалу, о которомъ мы говорили. *Не всякое убѣжденіе сообразно достоинству человѣка, но только справедливое.* Критика внѣшнихъ предметовъ заключается именно въ опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства: признаніе послѣдняго и дѣйствія съ нимъ сообразныя составляютъ идеалъ *справедливости. Лишь то нравственно, что справедливо;* это—дополненіе и закругленіе нравственной теоріи личности; это основной принципъ нравственной дѣятельности, и при всей своей кажущейся отвлеченности, онъ представляется принципомъ, весьма богатымъ по содержанію, принципомъ, охватывающимъ не только личную, но и общественную дѣятельность. Разберемъ его внимательнѣе.

Оцѣнивай чужое достоинство. Это значитъ: *изучай*, будь внимателенъ ко всему и ко всѣмъ, вникай въ особенности положенія *людей*, тебя окружающихъ; изслѣдуй общія начала *человѣка* въ его самомъ полномъ значеніи. *Знаніе людей, и наука человѣка* являются содержаніемъ этого правила.

Оцѣнка чужого достоинства входитъ въ сущность моего убѣжденія, то есть, въ сущность моего собственнаго достоинства. Это значитъ: все, что я призналъ равноправнымъ со мною, должно быть для меня святынею, которую я долженъ уважать, какъ святыню собственнаго достоинства. Какъ для послѣдняго я обязанъ жертвовать случайными выгодами, низшими благами, даже—въ случаѣ нужды—жизнію, такъ въ

защиту чужаго достоинства, вошедшаго въ мое убѣжденіе, я долженъ бросаться на борьбу, что бы изъ этого не вышло. *Чужое достоинство, это—мое собственное.* Мы пришли къ великому началу *братства*, провозглашенному подъ формою столькихъ миѳовъ, написанному на знамени столькихъ нравственныхъ теорій, провознесенному столькими мыслителями, выходившими изъ ученій совершенно-отличныхъ отъ того, которое я имѣю честь излагать здѣсь предъ вами; и, между-тѣмъ, это—необходимое, логическое слѣдствіе самого животнаго побужденія человѣка, *желанія наслаждаться.* Только на пути встрѣтились два пункта. Необходимость и право создавать въ своемъ убѣжденіи идеалъ обще-человѣческаго достоинства; обязанность поступать сообразно убѣжденію.

Мы очень далеко отъ исходнаго положенія. Нравственный идеалъ, повидимому столь узкій, принялъ огромные, подавляющіе размѣры. Поступать всегда по убѣжденію?... Оцѣнивать справедливо достоинство другихъ людей?... Бороться за чужое достоинство, какъ за собственное?... Въ нашемъ воображеніи, можетъ быть, вертится возраженіе. Все это слова, слова и слова. Гдѣ же исполненіе?... Гдѣ человѣкъ, способный къ нему?—Вы правы, между этимъ идеаломъ и практикою жизни, такою, какъ она кипитъ около насъ, существуетъ огромная разница. Борьба между личностями, поклоненіе призракамъ, презрѣніе чужого достоинства, сознательное нарушеніе справедливости, сознательная рѣшимость поступать противъ убѣжденія окружаютъ насъ отовсюду. Когда мы видимъ человѣка нѣсколько послѣдовательнаго въ дѣйствіяхъ, мы готовы прославить его мудрецомъ. Когда человѣкъ дѣйствуетъ нѣсколько—согласно своимъ убѣжденіямъ, мы готовы видѣть въ немъ героя.—Но позвольте поставить вопросъ: много ли мы наслаждаемся? спокойно ли мы ожидаемъ завтрашняго дня? не тяготѣетъ ли надъ нами двусмысленность нашего положенія, противорѣчіе нашей жизни? не преслѣдуетъ ли насъ *двойникъ* нашего прошедшаго, о которомъ мы говорили въ началѣ бесѣды? Когда мы достигли житейскихъ благъ, когда наши карманы полны и толпа преклоняется предъ нашимъ значеніемъ, не раздражаетъ ли насъ

невинная улыбка независимаго человѣка, въ которой мы читаемъ себѣ осужденіе? Не дрожитъ ли рука наша иногда, распечатывая иной пакетъ съ незнакомымъ содержаніемъ, какъ рука биржевого спекулянта, которому телеграфъ можетъ принести вѣсть о банкротствѣ? Это ли наслажденіе? Если мы не логичны, не рѣшительны, гонимся, какъ дѣти, за мгновеніемъ, какъ помѣшанные, за призраками—мы это выкупаемъ *страданіемъ*.

Мое дѣло было показать развитіе изъ даннаго принципа его послѣдствій, показать, что нѣтъ противорѣчія между правилами: *наслаждайся и всѣ люди братья*, для того, кто мыслитъ послѣдовательно. Незнаніе и нерѣшимость, слабость критики и слабость характера—вотъ главные источники всего зла, всей безнравственности, всѣхъ страданій человѣческаго общества. *Развивать въ себѣ и другихъ силу ума и силу характера, это—добродѣтель.*

Но слабость ума и характера человѣка—фактъ ежедневный, ежеминутный. Человѣкъ всегда сознавалъ его и долженъ былъ съ нимъ примириться. Творческая способность требовала примиренія въ стройномъ единствѣ, и здѣсь источникъ другого ряда нравственныхъ идеаловъ, болѣе ограниченныхъ, чѣмъ идеалъ самостоятельной и справедливой личности, но за-то болѣе опредѣленныхъ, потому-что имъ соотвѣтствовало нѣчто реальное внѣ человѣка. Это—*общественныя идеалы*. Кто не въ состояніи усвоить себѣ въ мысли и въ дѣятельности обширный идеалъ справедливой личности, тотъ останавливается на болѣе-тѣсныхъ идеалахъ, вышедшихъ изъ одной отрасли человѣческой жизни. Я не намѣренъ исчерпывать ихъ, но укажу на главнѣйшія ихъ группы.

Существованіе половъ, нарожденіе дѣтей и ихъ воспитаніе имѣли слѣдствіемъ *семейныя* отношенія между людьми; они составили центръ родственныхъ, родовыхъ отношеній. Отсюда идеалы семьянина, члена рода, члена племени; отсюда идеалы родового аристократа, родового буржуа; отсюда касты, основанныя на племенномъ различіи. Здѣсь человѣкъ признаетъ себѣ равноправными только членовъ своего семейства, своего рода, своего племени. Достоинство всѣхъ прочихъ лич-

ностей для него ниже, маловажнѣе. Убить иноплеменника, ограбить члена чужой семьи, оскорбить плебея кажется справедливымъ для человѣка, находящагося на этой точкѣ зрѣнія. Самая живая и пластическая страсть—любовь, самая безсознательная общественность—патріархальныя отношенія, самые неискоренимые предразсудки—предразсудки родовой аристократіи составляютъ принадлежность этой сферы, потому чрезвычайно-прочной, что въ ея источникѣ лежитъ матеріальная связь, а въ ея развитіи—привычка.

Отношенія *экономическія* дѣлаютъ человѣка работникомъ и промышленникомъ, производителемъ и потребителемъ, ставятъ людей въ различные болѣе или менѣе замкнутые кружки, соединяютъ ихъ интересами матеріальныхъ благъ. Отсюда разнообразныя единицы сословій, каста по занятіямъ, цеховъ, отсюда аристократія собственниковъ, аристократія богатства и кругомъ пролетаріятъ массы. Идеалы честнаго человѣка, искуснаго аферіста, ловкаго спекулятора, полезнаго общественнаго дѣятеля рисуются въ этой сферѣ дѣятельности и въ своей сухости, стремятся обратить человѣческое общество въ человѣческій улей, человѣческій муравейникъ.

Гораздо-значительнѣе по историческому значенію *гражданская* связь заключенная, между двумя полюсами власти и закона. Опредѣленность ею историческихъ проявленій, обширный кругъ дѣйствій, представляемый его личностямъ, кровавые слѣды, оставшіеся въ человѣчествѣ при каждомъ измѣненіи ея формъ —все это придало ей особую характеристичность, и на долгое время слило въ воображеніи большинства понятія человѣческаго общества и государства, общечеловѣческіе и политическіе вопросы. Немудрено, что въ этой области находимъ большое разнообразіе и богатство идеаловъ. Вѣрноподданный, гражданинъ рабъ—закона, членъ административнаго цѣлаго, государственный человѣкъ и т. д.—все это человѣческіе идеалы юридическаго цѣлаго, политическаго цѣлаго, гдѣ личность дѣлается незамѣтною частью организма, имѣющаго цѣль въ самомъ себѣ и безпрестанно требующаго новыхъ жертвъ на алтарь своего величія.

Духовные интересы представляютъ новое связывающее начало, разнообразное по самымъ источникамъ этой связи. Знаніе, художественная дѣятельность и религіозныя вѣрованія даютъ свои идеалы образованнаго человѣка, ученаго, мыслителя, человѣка со вкусомъ, художника талантливаго и геніальнаго, вѣрующаго члена извѣстной общины.

Я уже сказалъ, что вовсе не намѣренъ исчерпать формы различныхъ частныхъ идеаловъ, создаваемыхъ людьми на пути своемъ къ идеалу самостоятельной и справедливой личности. Каждый выбираетъ по своимъ силамъ, и еще болѣе по обстоятельствамъ жизни, одинъ изъ этихъ идеаловъ, и стремится оплотить его. Жизнь ставитъ свой урокъ, человѣкъ долженъ его выполнить. Онъ долженъ совѣстливо и внимательно изучить всѣ условія своего дѣла, и съ твердой рѣшимостью его исполнять самымъ лучшимъ возможнымъ для него способомъ. Это ежедневная задача жизни, это ея непостоянный процессъ, въ которомъ человѣкъ является переработывающимъ и переработывающимся матеріаломъ.

Но на этомъ дѣло не останавливается. Исполняя свое дѣло, человѣкъ долженъ сознавать, что онъ дѣлаетъ. Жизнь есть процессъ *сознательный* и *связный*. Каждое наше дѣйствіе не есть дѣло, сдаваемое въ архивъ, независимое отъ послѣдующаго и предъидущаго; наша жизнь не можетъ быть оторвана отъ среды, въ которой мы живемъ. Только внося сознательность и связность въ нашу жизнь, дѣлаемъ мы ее вполнѣ человѣческою. Но этимъ самымъ мы вносимъ въ нашу жизнь *философію*. Послѣднимъ ея проявленія въ этой области.

Каждый день жизни человѣка, каждый часъ имѣетъ свою цѣль, но нѣтъ человѣка, которому одна цѣль была-бы дана на всю жизнь. Онъ семьянинъ, но онъ въ тоже время гражданинъ; онъ занялся экономическими оборотами, но это не отнимаетъ отъ него обязанности быть образованнымъ человѣкомъ. Въ одномъ родѣ дѣятельности онъ можетъ достичь спеціальности, виртуозности; но въ другое время онъ можетъ воплощать нѣсколько хуже, но все-таки воплощать въ своей дѣятельности другіе частные идеалы. Если это для него невозможно, то не мѣшаетъ ему сочувствовать идеаламъ другихъ

отраслей; если онъ не можетъ и сочувствовать, или если нравственная уродливость, или воспитаніе заморили въ немъ одинъ изъ органовъ жизни, то онъ долженъ стараться по крайней мѣрѣ понять умомъ то, что составляетъ главную жизненную цѣль для многихъ изъ его братьевъ: иначе, онъ не оцѣнитъ ихъ по достоинству и не будетъ къ нимъ *справедливъ*. Для тѣхъ, кому живые идеалы каждой отрасли недоступны, для тѣхъ, кто не можетъ имъ сочувствовать, для тѣхъ эти идеалы представляются въ формѣ понятій, логическихъ *идей*, обладающихъ опредѣленными признаками. Любовь, переходящая въ привязанность вообще, польза въ самомъ обширномъ своемъ значеніи, законъ и власть, какъ формула политическаго быта, истина, красота, систематичность—имѣютъ, каждая, право на участіе человѣка. Въ любви къ женщинѣ, въ родственной привязанности человѣкъ воспитываетъ въ себѣ любовь къ человѣчеству; экономическій и гражданскій смыслъ дѣлаютъ эту любовь практически—примѣнимою къ дѣлу; знаніе доставляетъ весь матеріалъ дѣятельности; творчество вноситъ въ него изящное начало мѣры, сдержанности, такта, формы. Только тотъ истинный человѣкъ, тотъ развилъ въ себѣ *человѣчность*, кто не пренебрегъ ни однимъ изъ этихъ элементовъ, кто знаетъ и любитъ, чье сердце бьется сочувствіемъ общественному, гражданскому или экономическому вопросу и кто можетъ наслаждаться прекрасною формою изящнаго произведенія, стройнымъ зданіемъ метафизической системы. Кто пренебрегаетъ одной изъ этихъ отраслей, кто не хочетъ даже мыслію пережить главныя побужденія, волнующія другихъ людей, тотъ себя уродуетъ добровольно. Всѣ мы, вслѣдствіе обстоятельствъ жизни, теряемъ часто способность *сочувствовать* многому истинно-человѣческому; но во имя общаго, неотмѣнимаго идеала *справедливости*, мы должны стараться овладѣть въ отвлеченной формѣ *идеи* тѣмъ, что для насъ недоступно, какъ живой *идеалъ*. Мы можемъ быть *справедливы* лишь къ дѣйствіямъ, нами *понятымъ*. Такимъ—образомъ, первое проявленіе *философіи въ жизни* есть требованіе *человѣчности*, то есть требованіе *воплощенія*, *прочувствованія*, или по крайней мѣрѣ *пониманія* всего человѣческаго.

Человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть *совокупленіе*, а не *смѣшеніе*. Каждая дѣятельность, ставя свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человѣчества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую. Это часто дѣлаютъ безсознательно, отъ излишняго увлеченія главною цѣлью своей жизни, но весьма нерѣдко тоже совершается и вполнѣ сознательно. Какъ часто коммерческій разсчетъ заключаетъ союзъ, который долженъ быть союзомъ по крайней-мѣрѣ взаимнаго уваженія и привязанности; иногда кажущееся благополучіе сопровождаетъ подобную сдѣлку, но большею частью супруги взаимно уродуютъ другъ друга нравственно, уничтожая одинъ въ другомъ всякую способность привязанности къ чему бы то ни было, и дѣлаются неспособными оцѣнить достоинство подобной привязанности и въ другихъ личностяхъ. Еще хуже, когда семейные интересы, патріархальныя понятія вносятся въ экономическія, общественныя отношенія, въ гражданскую дѣятельность. Тогда прекрасный семьянинъ самымъ совѣстливымъ образомъ дѣлается взяточникомъ: родные человѣчки Фамусова наполняютъ мѣста; судья кривить душою и государственный человѣкъ заставляетъ страдать десятки тысячъ, чтобы удивить и обрадовать одну нѣжно-любимую личность. Это также естественно, какъ полученіе нелѣпаго результата въ математической выкладкѣ, когда формула выведенная и годная для одного случая вопроса, примѣняется къ другому. Въ прошлой бесѣдѣ мы видѣли еще аналогическое явленіе, перенесеніе вопросовъ жизни и знанія въ творчество искусства, о чемъ я тогда-же имѣлъ случай высказать свое мнѣніе. Резюмирую. Человѣкъ имѣетъ нѣсколько цѣлей жизни, нѣсколько дѣятельностей; онъ можетъ ограничиваться немногими изъ нихъ, или участвовать въ большомъ числѣ ихъ; но, переходя изъ одной области въ другую, онъ долженъ преслѣдовать цѣль, соотвѣтствующую послѣдней; иначе, его дѣятельность будетъ вредна или уродлива. Это второе проявленія *философіи въ жизни*.

Если она требуетъ для каждаго житейскаго идеала *сознанія* его, какъ идеала *частнаго пониманія* его, какъ идеала *отдѣльнаго*, то въ ней заключается еще третье, и самое трудное требованіе—требованіе *угадыванія* его, какъ идеала исторически—*очереднаго*.

Слова: семейство, родъ, экономическія отношенія, политическое устройство, наука, искусство, метафизика, религія не суть законченныя опредѣленныя понятія, въ которыхъ нельзя прибавить или убавить ни одной черты. Эти слова въ разныя эпохи выражали различный смыслъ; идеалъ семьянина для еврея временъ Авраама, для римлянина временъ Тарквинія-Гордаго, для феодала крестовыхъ походовъ и для человѣка нашего времени такъ же различенъ, какъ понятіе о гражданской обязанности въ тѣ-же періоды времени. Медленно, но постоянно измѣняется содержаніе, подразумѣваемое подъ этими словами. Въ каждое мгновенія исторіи относительно каждаго изъ этихъ вопросовъ представляется нѣсколько оттѣнковъ нравственныхъ идеаловъ. Одни изъ нихъ суть остатки старины, освящены преданіемъ, обычаемъ, рутиною. Другіе суть разныя опыты будущихъ, еще неосуществленныхъ общественныхъ формъ; нѣкоторые изъ нихъ немогутъ жить и умрутъ неосуществившись; иные должны осуществиться еще чрезъ долгій періодъ времени; но иныя стоятъ на очереди: общественныя потребности, наука, вѣрованія—все ихъ подготовило Если эти новые общественные идеалы не воплотятся въ общественныя формы, то общество приметъ въ себя зародышъ опасной, иногда смертельной болѣзни. Они должны быть воплощены, чтобъ общество могло развиваться. Они составляютъ *жизненные* вопросы общества въ данную минуту. Высшее проявленіе философіи въ жизни, высшая практическая *мудрость* заключается именно въ *угаданіи* этихъ вопросовъ, среди множества другихъ, кипящихъ одновременно съ ними въ средѣ общества; она заключается во внесеніи этихъ исторически-очередныхъ идеаловъ въ наше убѣжденіе, и потомъ въ служеніи словомъ, дѣломъ, жизнію этому убѣжденію. Часто эти жизненные вопросы инстинктивно притягиваютъ къ себѣ массу, и тогда, при неудержимомъ давленіи обстоятельствъ, доставляютъ торжество

своимъ защитникамъ. Но успѣхъ не есть всегда признакъ превосходства идеаловъ. Исторія не есть арена, гдѣ торжествуетъ всегда правый—нѣтъ, иногда истинные философы жизни, истинные защитники справедливаго идеала падаютъ въ борьбѣ вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя доставляютъ торжество партіи ложной мудрости, и только чрезъ нѣсколько вѣковъ приходитъ пора торжества правды. Иногда она вовсе не приходитъ, и общество каменѣетъ подъ тяжестью ложныхъ общественныхъ идеаловъ; оно теряетъ истинную философію жизни и проходящіе годы представляютъ картину рождающихся и умирающихъ поколѣній человѣкообразныхъ единицъ, совершающихъ каждый день болѣе или менѣе хорошо одно дѣло, потомъ другое, потомъ третье; но жизнь ихъ не представляетъ ни цѣли, ни развитія.

Всѣ отрасли дѣятельности человѣческой могутъ въ разное время быть главными жизненными вопросами для общества. Переводъ греческихъ философовъ во время возрожденія, появленіе тяжелыхъ томовъ энциклопедіи, представленіе комедіи Бомарше,—все это были жизненные вопросы для современнаго общества. Во имя науки и литературы здѣсь шла борьба между началомъ жизни и началомъ смерти. Но подобныя явленія рѣдки въ исторіи. Бо̀льшею частью наука и искусство остаются внѣ жизненныхъ вопросовъ, которые ограничиваются опредѣленіемъ семейныхъ, родовыхъ, экономическихъ и политическихъ отношеній. Тогда жизнь какъ бы противополагается наукѣ и творчеству; ученые, художники и мыслители становятся какъ бы внѣ общаго теченія дѣлъ. Тогда жизнь не хочетъ знать правъ науки и творчества; она создаетъ нѣчто ихъ замѣняющее, гдѣ ея цѣли стоятъ на первомъ планѣ. Рядомъ со строгой,безстрастной наукой создается наука публицистовъ, часто неточная, поверхностная, неприличная и увлекающаяся, но служащая началу развитія въ данную минуту, болѣе, чѣмъ истинное знаніе. Рядомъ съ жрецами красоты являются авторы, пренебрегающіе формою, но сильные патетическимъ дѣйствіемъ, потрясающіе массу болѣе, чѣмъ истинные художники. Техническіе вопросы становятся выше теоретическихъ; общество требуетъ отъ своихъ членовъ не открытій въ формѣ кристал-

ловъ, въ точномъ чтеніи стиха Пиндара, не успокоивающихъ формъ безсмертной красоты; оно хочетъ, чтобъ ему говорили о его нуждахъ, о его ранахъ, о его желаніяхъ. Какъ больной, оно хочетъ леченья, а не уроковъ, не удовольствій. Это состояніе опасно, если оно продолжительно; оно можетъ привести къ отупѣнію научнаго смысла, эстетическаго вкуса. Но если оно обозначаетъ кризисъ болѣзни, если есть надежда на скорое выздоровленіе, то оно естественно, и тогда жизненная обязанность становится выше обязанности личнаго призванія. Ученый и художникъ тоже люди того же общества; они должны раздѣлять его боли, должны сочувствовать его желаніямъ. Если они не только ученые и художники, но истинные *люди*, то безъ всякой натяжки, безо всякаго придумыванія, жизненные вопросы станутъ предъ ними въ ученой или художественной формѣ. Ученый выберетъ для изслѣдованія то, что имѣетъ болѣе или менѣе отношенія къ современному дѣлу; художникъ и мыслитель невольно воплотятъ въ свои произведенія, въ свою философскую теорію слезы и жажду своихъ братій. Но пусть они этого не могутъ; они не на столько прониклись современнымъ духомъ, чтобъ послѣдній тяготѣлъ надъ ихъ занятіями. Вопросы современные ихъ трогаютъ, но когда они наединѣ со своей ученой мыслію, съ своимъ творчествомъ, другія задачи, другіе образы встаютъ неудержимо предъ ними. Пусть тогда не насилуютъ своей мысли. Андре Шенье, который писалъ свои ароматическія стихотворенія во время бурь революціи, былъ не худшій гражданинъ, чѣмъ его братъ Мари Жозефъ, авторъ Карла IX и Тимолеона; а въ искусствѣ между ними и сравненія быть не можетъ: дѣло не въ судѣ надъ ихъ убѣжденіями, но въ томъ самоотверженіи, съ которымъ они дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ. Но Андре Шенье не все писалъ элегіи: онъ сдѣлался публицистомъ на службу своей мысли, онъ говорилъ рѣчи; онъ *дѣйствовалъ*. Когда идетъ борьба за отечество или за идею, пусть въ минуту отдыха зоологъ въ своемъ кабинетѣ изслѣдуетъ формы инфузорій; пусть скульпторъ, въ своей мастерской отдѣлываетъ голову Афродиты. Но минута настала, когда они, не какъ

ученые, не какъ художники, но какъ люди, нужны въ рядахъ своихъ единомышленниковъ; тогда они нравственные уроды, если не бросятъ микроскопа и рѣзца, чтобъ дѣломъ, жизнію служить отечеству или идеѣ.

Такимъ-образомъ, философія въ жизни проявляется въ осмысливаніи процесса жизни; она связываетъ частный идеалъ, данной-временной дѣятельности съ общимъ идеаломъ человѣческой дѣятельности; она различаетъ цѣли частныхъ дѣятельностей одну отъ другой, не дозволяя переносить цѣль изъ одной области въ другую; она, наконецъ, является пророческимъ провидѣніемъ истиннаго жизненнаго вопроса среди массы вопросовъ, его окружающихъ. Она пропитываетъ убѣжденіе человѣка сознаніемъ историческаго положенія и говоритъ ему: «вотъ справедливое; борись и, если нужно, умри за него!»

Человѣкъ является такимъ образомъ двигателемъ въ исторіи; онъ является создателемъ событій, во имя общественнаго идеала, въ которомъ гармонически совокупляются цѣли: личныхъ привязанностей, пользы, политическаго устройства и духовныхъ потребностей. Въ каждую эпоху этотъ идеалъ измѣняется постепенно, медленно, но неудержимо. Среди гремящихъ событій, гдѣ поперемѣнно торжествуютъ тѣ и другія партіи, философія жизни, преслѣдуя постоянно идеалъ сообразнѣйшій эпохѣ, совершаетъ свой особый процессъ, воплощаясь въ *нѣкоторыя* характеристическія событія; ея органами являются нѣкоторыя личности, и около этихъ то событій, около этихъ то личностей бѣжитъ въ разнообразныхъ формахъ всемірная исторія, замѣняя для поверхностнаго наблюдателя основный процессъ философіи жизни. Пониманіе этого процесса, какъ единаго стройнаго цѣлаго, обусловливающаго собою сущность всего остальнаго, это—*философія исторіи*, входящая въ философію знанія, о которой мы говорили въ первой нашей бесѣдѣ.

Каждый человѣкъ въ этомъ процессѣ исторіи представляется намъ какъ общая вершина двухъ конусовъ. Внѣшній міръ даетъ ему матеріалъ жизни, окружаетъ его своимъ вліяніемъ. вырабатываетъ въ немъ мозгъ для мышленія, придаетъ ему воспріимчивость и дѣлаетъ его способнымъ развиваться.

Исторія подсказываетъ ему съ дѣтства матеріалъ мышленія, убаюкиваетъ его преданіями, научаетъ его критикѣ, ставитъ предъ нимъ жизненные вопросы, вліяетъ на него обстановкой, словами и примѣрами окружающихъ личностей. Въ процессѣ сознанія этотъ матеріалъ переработывается въ новые вопросы науки и жизни, въ новые идеалы, и такимъ образомъ человѣкъ въ его единствѣ представляется результатомъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія.

Но въ этой единой личности начинается новый процессъ. Внѣшнія впечатлѣнія переработываются въ законы природы, въ теоріи природы, въ системы философіи природы; изъ отвлеченныхъ фактовъ человѣкъ создаетъ *природу* по законамъ своего творчества. Онъ дѣйствуетъ, и его дѣятельность заключается въ созданіи художественныхъ идеаловъ, въ воплощеніи нравственныхъ идеаловъ. Онъ за нихъ борется и свои дѣйствія бросаетъ какъ сѣмена на почву окружающаго міра; изъ нихъ выростаетъ новый безконечный рядъ событій, выростаетъ будущая *исторія*. Наконецъ и каждую минуту, вооруженный критикою знанія, критикою жизни, онъ перестроиваетъ *свой внутренній міръ*, переработываетъ свое сознаніе, укрѣпляя свой характеръ и проникая мыслію въ связь и значеніе всего окружающаго. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть источникъ природы, источникъ исторіи, источникъ собственнаго сознанія.

Въ общечеловѣческомъ существѣ коренится вся *философія знанія*, изъ живого историческаго человѣка объясняется его *философія творчества*, особенность его личности опредѣляется его *философіею жизни*. И онѣ взаимно дѣйствуютъ одна на другую. Философія знанія каждаго человѣка, единство, внесенное имъ въ свои свѣдѣнія, выборъ того узла, съ котораго онъ начинаетъ захватывать шаръ всего сущаго нитями своего мышленія (если припомните сравненіе нашей первой бесѣды)— все это объясняется нравственными, художественными, религіозными идеями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ живетъ. Только тогда появится истинная исторія философскихъ системъ, когда каждая изъ нихъ представится психологически—необходимымъ результатомъ современной ей исторической жизни и частной жизни мыслителя. Гегель сказалъ: «Философія есть ея время

(прибавимъ: и личность философа) схваченное въ мысли». Онъ самъ не выполнилъ этого положенія, но исторія философіи должна стремиться осуществить его. Какъ философія знанія зависитъ отъ двухъ другихъ проявленій философіи, такъ, на оборотъ, нѣтъ нужды объяснять, что критика творчества, его философія есть та-же философія знанія, но въ формѣ критики, являющаяся судомъ творческихъ произведеній. Наконецъ, въ философіи жизни находимъ только въ частномъ процессѣ приложеніе дѣятельности, которая, обращенная на все мыслимое, создаетъ философію знанія, обращенная на все созданное, является философіею творчества.

И вотъ я становлюсь предъ послѣднимъ вопросомъ нашихъ бесѣдъ: я вамъ указалъ одинъ элементъ науки и сказалъ: это философія знанія: то-же я сдѣлалъ при разборѣ творчества и жизни. Но имѣлъ-ли я на это право? Нѣтъ-ли противорѣчія въ употребленіи одного и того-же слова въ разныхъ областяхъ, съ разнымъ смысломъ. Если нѣтъ, то изъ пониманія философіи знанія, философіи творчества, философіи жизни, мы должны извлечь понятіе о процессѣ общемъ всѣмъ тремъ, и снова ставимъ нашъ начальный, вопросъ; что-же такое философія?

Философія въ знаніи есть построеніе всѣхъ свѣдѣній въ стройную систему, пониманіе всего сущаго, какъ единаго, *единство въ пониманіи*. Философія въ творчествѣ есть внесеніе пониманія міра и жизни въ творческую дѣятельность, воплощеніе понятнаго единства всего сущаго въ образъ, въ стройную форму, *единство мысли и формы*. Философія въ жизни есть осмысленіе ежедневной дѣятельности, внесеніе пониманія всего сущаго, какъ единаго, въ нашу дѣятельность, воплощеніе понятаго единства всего сущаго въ практическій идеалъ, *единство мысли и дѣйствія*. Довольно сблизить эти выраженія, чтобъ въ нихъ прочесть отдѣльные термины одного понятія, отдѣльные признаки одной дѣятельности.

Философія есть пониманіе всего сущаго, какъ единаго и воплощеніе этого пониманія въ художественный образъ и въ нравственное дѣйствіе. Она есть процессъ отожествленія мысли, образа и дѣйствія.

Въ человѣкѣ рядомъ съ философіей присутствуютъ другія дѣятельности: научная, художественная, религіозная Покажемъ ихъ различіе отъ предмета, насъ занимающаго.

Наука есть сумма свѣдѣній, проникнутыхъ философскимъ мышленіемъ, но въ ней главный интересъ въ свѣдѣніяхъ, въ фактахъ а не въ ихъ построеніи. Наукѣ принадлежитъ и фактъ еще неосмысленный, несоглашенный съ прочими, невошедшій въ теорію, неуясненный гипотезою. Научная дѣятельность вся поглощена собираніемъ фактовъ и опредѣленіемъ ихъ относительной вѣроятности. Философія не есть наука; она есть только дѣятельность строющая науку, и безъ нея бы не существовало ни одной науки.

Искусство преслѣдуетъ красоту, стройную форму, оживленную паосомъ художника: форма здѣсь существенное, и только потому влечетъ за собою паосъ, что художникъ живая личность; полнота содержанія ненужна, воплощеніе одной жизненной черты достаточно, чтобъ оживить форму. Философія преслѣдуетъ тоже форму, но соотвѣтствующую содержанію. Для нея самое важное—содержаніе; форма должна ему подчиняться, къ нему приладиться. Философія не искусство, но безъ нея не было-бы ни одного прекраснаго произведенія, не существовало-бы патетизма, а лишь стройные этюды разныхъ родовъ.

Религіозная дѣятельность довольно сходна съ философскою по своимъ цѣлямъ, но рѣзко отличается отъ нея по состоянію духа личностей: вѣра есть существенный признакъ одной, критика—необходимое условіе другой.

Такимъ образомъ философія, отличаясь отъ прочихъ дѣятельностей человѣческаго духа, оживляетъ ихъ всѣ, сообщаетъ имъ человѣческую сторону, осмысливаетъ ихъ для человѣка. Безъ нея наука—сборникъ фактовъ, искусство—вопросъ техники, жизнь—механизмъ. *Философствовать, это—развивать въ себѣ человѣка какъ единое стройное существо.*

Я кончаю. Но мнѣ кажется, что я обязанъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, отвѣтить еще на одинъ возможный вопросъ. Что-же мы дѣлали на этихъ бесѣдахъ? куда ихъ отнести? къ наукѣ, къ философіи, къ искусству, къ литературѣ жизни?

какую рубрику написать на нихъ?—Что наши бесѣды не чужды жизни, это ясно, но жизнь, ставитъ вопросы, а не даетъ матеріалъ ихъ рѣшенія. Относительно искусства тутъ нѣтъ и рѣчи; не форма, нашихъ бесѣдъ, а ихъ содержаніе существенно. Казалось бы, что всего ближе отнести къ философіи бесѣды, въ которыхъ она составляетъ главный предметъ; но мы видѣли, что философія, оживляя все, до чего она касается, не имѣетъ никакого ей отдѣльно принадлежащаго матеріала. Точно также, какъ искусство имѣетъ только свои формы, какъ жизнь есть только процессъ, а матеріала своего не имѣютъ. *Весь матеріалъ искусства, жизни, философіи, принадлежитъ наукѣ.* Къ ней мы должны обратиться, чтобъ отыскать рубрику, къ которой можемъ отнести наши бесѣды.

Разъ усвоивъ область нашей дѣятельности, намъ легко уже найти въ частности мѣсто, гдѣ мы находимся. Нашъ исходный пунктъ былъ: *анализъ человѣческаго желанія*; нашъ конечный пунктъ; *развитіе человѣка какъ стройное цѣлое.* Слѣдовательно мы находимся въ округѣ *антропологіи*, науки о человѣкѣ. Она есть цѣль, къ которой стремится вся философія знанія; изъ нея почерпали мы матеріалъ и для нашихъ бесѣдъ. Мы изслѣдовали человѣка, старались въ различныхъ отрасляхъ его дѣятельности найти характеристическіе факты его бытія и свести эти факты къ единству. Человѣкъ, какъ познающій, творящій и живущій, является намъ *единымъ развивающимся человѣкомъ* и сущность этого *единства развитія* оказалась *философствованіемъ.*

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
1	6 сверху	знать	знать
7	8 снизу	явленіе	явленія
8	7 —	вопросу	вопросу
9	5 сверху	жоланіе	желаніе
—	11 —	втретьихъ	въ третьихъ
15	13 снизу	явленіе	явленій
—	8 —	всѣ	всю
18	4 снизу	можеть	можеть
21	14 —	движеній	движеніи
22	13 снизу	слѣдовало	слѣдовала
27	12 сверху	мракѣ	мракъ
—	12 снизу	;	:
28	6 —	,	;
30	16 сверху	ихъ	нихъ
31	13 снизу	кормить	кормитъ
33	3 —	угрожались	угрожали
38	4 сверху	Различіе	Различіе ихъ.
41	1 снизу	группѣ,	группѣ
42	10 сверху	насъ	*насъ*
—	17 снизу	,	;
49	15 —	связь	связь,
—	— —	заключенная,	заключенная
50	11 снизу	послѣднимъ	прослѣдимъ
52	5 —	большомъ	бо́льшемъ
54	15 сверху	человѣческой	человѣческой
60	10 снизу	;	:
—	3 —	является	явился.